

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)
Факультет психологии

ФИЛАТОВА АНАСТАСИЯ ФИЛИППОВНА

Выпускная квалификационная работа

Особенности переживания личностью собственной деструктивности

Уровень образования:
Направление 37.04.01 «Психология»
Основная образовательная программа ВМ.5730 «Психология личности»
Профиль «Индивидуальное психологическое консультирование»

Научный руководитель:
Заведующая кафедрой и профессор
кафедры психологии личности,
доктор психологических наук,
Костромина Светлана Николаевна

Рецензент: психолог-консультант
Общероссийской общественной
организации «Общероссийская
профессиональная
психотерапевтическая Лига»,
кандидат психологических наук,
Смарышева Виктория Алексеевна

Санкт-Петербург
2022

Аннотация

Целью данного исследования является изучение психологических особенностей переживания личностью собственной деструктивности.

Выборку составили 60 человек в возрасте от 18 до 45 лет ($M=24,2$), жители Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и других городов РФ.

В качестве методов исследования использовались полуструктурированное интервью, опрос с применением психодиагностических методик (Многофакторного личностного опросника 16PF Р. Б. Кеттелла, методики «Жизненные ситуации» К. В. Злоказова и «Я-структурного теста Г. Аммона»), а также эксперимент.

По результатам исследования выявлены значимые компоненты переживания личностью типичных ситуаций проявления деструктивности, различающиеся в зависимости от направленности разрушения на себя, на другого человека или на материальные объекты. Факторная структура переживаний, согласно полученным данным, включает эмоциональные, когнитивные и смысловые составляющие.

Обнаружена связь степени выраженности деструктивности как свойства личности с эмоциональной нестабильностью, низкой чувствительностью и выраженным нонконформизмом, а также с эмоциональным наполнением переживаний деструктивности.

Экспериментальная гипотеза о наличии значимого влияния особенностей переживания собственной деструктивности на устойчивость личности не подтвердилась.

Полученные данные являются доказательством неоднозначности и многовекторности феномена деструктивности, связанного не только с отрицательными, но и с положительными и конструктивными смыслами и значениями, позитивными жизненными изменениями в представлениях личности.

Abstract

The purpose of this study is to explore the psychological characteristics of a person's experience of its own destructiveness.

The sample consisted of 60 people aged 18 to 45 ($M=24,2$), residents of St. Petersburg, Rostov-on-Don and other cities of the Russian Federation.

A semi-structured interview, a survey with application of psychodiagnostic techniques (The Sixteen Personality Factor Questionnaire by R. B. Cattell, survey "Life situations" by K.V. Zlokazov and the I-Structural Test of G. Ammon) and an experiment were used as research methods.

Significant components of a person's experience of typical situations connected with destructive manifestations were identified, which differ depending on the direction of destruction to oneself, to another person or to material objects. The factor structure of experiences, according to the data obtained, includes emotional, cognitive and semantic components.

A connection between the measure of destructiveness as a personality trait and emotional instability, low sensitivity, nonconformism and the emotional content of experiencing destructiveness was found.

The experimental hypothesis about the presence of a significant influence of the characteristics of experiencing one's own destructiveness on the personality's stability was not confirmed.

The research data indicate the ambiguity and multi-vector nature of the phenomenon of destructiveness, associated not only with negative, but also with positive and constructive meanings and positive life changes in the personality's representation.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	13
1.1. Психологические подходы к изучению деструктивности личности	13
1.1.1. Деструкция и деструктивность в соотношении с основными категориями психического.....	13
1.1.2. Деструкция как психодинамический процесс	15
1.1.3. Деструктивность как свойство	21
1.1.4. Деструктивное поведение	22
1.1.5. Деструктивность как системное качество личности.....	25
1.2. Проблема переживания личностью собственной деструктивности.	29
1.2.1. Подходы к определению феномена переживания в отечественной и зарубежной психологии	29
1.2.2. Особенности переживания личностью собственной деструктивности.....	33
1.3. Связь устойчивости и изменчивости личности с особенностями переживания деструктивности	37
ГЛАВА 2. ДИЗАЙН ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ	44
2.1. Цель и задачи эмпирического исследования	44
2.2. Описание выборки исследования.....	46
2.3. Методы исследования	47

2.3.1. Полуструктурированное интервью.....	47
2.3.2. Психодиагностические методики	49
2.3.3. Описание эксперимента	51
2.4. Процедура исследования.....	53
2.4.1. Процедура первой части исследования.....	53
2.4.2. Процедура второй части исследования	54
2.5. Математико-статистические методы обработки данных	55
2.5.1. Методы обработки данных полуструктурированного интервью.....	55
2.5.2. Методы обработки данных психодиагностических методик	59
2.5.3. Методы обработки данных эксперимента	60

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ 61

3.1. Феноменология переживания личностью собственной деструктивности (контент-анализ данных исследовательского интервью)	61
3.1.1. Результаты контент-анализа на уровне значимых концептов	61
3.1.2. Результаты тематического контент-анализа.....	64
3.2. Показатели деструктивности респондентов выборки (описательный анализ данных психодиагностических методик).....	79
3.3. Связь особенностей переживания личностью собственной деструктивности с элементами структуры личности.....	85
3.4. Влияние особенностей переживания собственной деструктивности на устойчивость личности (результаты экспериментального исследования) ..	99
3.4.1. Варьирование независимой переменной в группах	99

3.4.2. Личностные изменения в связи с переживаниями собственной деструктивности.....	105
3.4.3. Изменения устойчивости личности, обусловленные переживанием собственной деструктивности	107
ВЫВОДЫ.....	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	116
Список используемых источников.....	119
Приложения	129

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Широта распространённости и многообразие деструктивных и аутодеструктивных явлений в различных сферах социальной жизни в значительной мере обуславливает исследовательский интерес к проблеме личностной деструкции. Ее изучение в перспективе может способствовать своевременному выявлению предпосылок и факторов, обуславливающих разрушительную активность, а также предотвращению негативных последствий такой активности для самой личности и для окружающих, в том числе использоваться для оказания психологической помощи. Кроме того, данные, полученные с учетом современных социальных измерений, могут послужить вариантом переосмысления феномена разрушительности человека исключительно как негативного явления. Ведь, по мнению многих психологов и философов XX века, деструкция представляет собой нелинейный и неоднозначный процесс, связанный не только с отрицательными, но и с позитивными и конструктивными изменениями, с развитием и становлением.

Степень разработанности проблемы. Изучение проблемы деструкции началось в рамках психоаналитического направления и отражено в трудах С. Н. Шпильрейн (1912), З. Фрейда (1920), Э. Фромма (1973) и др. За последние пять лет отмечается увеличение числа научных работ, посвящённых данной теме, в том числе работ отечественных исследователей – Л. Я. Дорфмана (2017), С. И. Дьякова (2019), К. В. Злоказова (2017), А. В. Ипатова (2018) и др.

Проблема исследования. Деструктивность традиционно определяется в психологической литературе как негативное свойство личности или как разрушающее поведение. В то же время имеются данные, показывающие, что переживание собственной деструктивности может нести позитивную функцию, способствуя поддержанию целостности и устойчивости личности. Это

противоречие требует проведения исследований на предмет понимания неоднозначности и многовекторности деструктивности личности.

Целью исследования является изучение психологических особенностей переживания личностью собственной деструктивности. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

Теоретические задачи:

1. Раскрыть понятия деструкции и деструктивности как свойства личности, проанализировать и сравнить психологические подходы к изучению деструктивности.

2. Изучить особенности феноменологического подхода к психологическому исследованию, описанные в трудах отечественных и зарубежных психологов, а также возможности применения данного подхода для изучения особенностей переживания личностью собственной деструктивности.

3. Проанализировать теоретические и методологические подходы к изучению устойчивости и изменчивости личности.

4. На основе анализа литературы сформулировать гипотезу о наличии связи между особенностями переживания личностью собственной деструктивности и степенью устойчивости личности.

Методические задачи:

1. Разработать программу проведения эмпирического исследования, включая план экспериментального исследования.

2. Разработать интервью для изучения особенностей переживания личностью собственной деструктивности.

3. Подобрать комплекс психодиагностических методик для изучения деструктивности как свойства личности, деструкции как стратегии социального поведения, а также составления личностного профиля и определения степени устойчивости личности.

4. Подобрать статистический инструментарий для математической обработки результатов исследования.

Эмпирические задачи:

1. Описать феноменологию переживания личностью собственной деструктивности.

2. Дифференцировать группы респондентов в зависимости от преобладающих компонентов переживания личностью собственной деструктивности.

3. Проанализировать связь различных свойств личности (16-факторного личностного профиля по Р. Б. Кеттеллу), деструктивности как свойства личности и деструкции как стратегии социального поведения с особенностями переживания личностью собственной деструктивности.

4. Провести экспериментальное исследование с целью изучения влияния особенностей переживания личностью собственной деструктивности на степень устойчивости личности.

Объект исследования – деструктивность личности.

Предмет исследования: особенности переживания личностью собственной деструктивности.

Гипотезы исследования:

1. Феноменология переживания личностью собственной деструктивности может быть описана посредством выявления значимых когнитивных, эмоциональных, поведенческих и психосемантических (смысловых) компонентов переживания, различающихся в зависимости от направленности деструктивности в разных жизненных ситуациях.

2. Выраженность деструктивности как свойства личности и деструкции как стратегии социального поведения значимо связана со структурой личностного профиля и с особенностями переживания личностью собственной деструктивности.

3. Особенности переживания личностью собственной деструктивности оказывают значимое влияние на степень её устойчивости.

Методы исследования. В исследовании применялись три основных метода – полуструктурированное интервью, опрос с использованием психодиагностических методик и эксперимент.

Авторское полуструктурированное интервью было разработано с целью выявления понимания и описания респондентами феномена деструктивности на примере различных жизненных ситуаций.

Для опроса использовался следующий пакет психодиагностических методик:

1. Многофакторный личностный опросник 16PF Р. Б. Кеттелла для измерения параметров личностного профиля (черт личности), а также для оценки параметра «устойчивость-изменчивость личности» в экспериментальной части исследования;

2. Методика «Жизненные ситуации» К. В. Злоказова для оценки степени выраженности деструкции как стратегии социального поведения;

3. Методика «Я-структурный тест Аммона» (ISTA) для измерения выраженности деструктивности как устойчивого свойства личности.

Эксперимент включал экспериментальное задание с применением стимульного материала, направленное на актуализацию переживания деструктивности, психодиагностическую беседу с участниками по фиксированному списку вопросов, а также два замера личностного профиля с помощью Многофакторного личностного опросника 16PF – до и после экспериментального воздействия.

Организация исследования включает три этапа:

1. Первый этап (сентябрь 2020 – май 2021) – проведение теоретико-методологического анализа основных подходов к исследованию деструктивности личности и разработка дизайна исследования.

2. Второй этап был реализован в течение 2021 года и состоял из пилотажного и основного исследования, включавших полуструктурированное интервью и опрос с использованием психодиагностических методик.

3. На третьем этапе проводился эксперимент, организованный на факультете психологии СПбГУ в январе 2022 года.

Выборка. В двух частях эмпирического исследования приняли участие 60 человек в возрасте от 18 до 45 лет ($M=24,2\pm 4,3$), жители Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и других городов РФ, из которых 48 женщин, 10 мужчин и 2 небинарных людей. Метод подбора – произвольная выборка.

Научная новизна. В настоящее время в отечественной и зарубежной психологии отмечается дефицит исследований феноменов деструкции и деструктивности с опорой на современную методологию психологии личности, а также с использованием феноменологического и процессуального подходов. Экспериментальный метод для изучения переживаний собственной деструктивности ранее не применялся.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении научных представлений о феномене деструктивности личности, его смысловых аспектах и поведенческих коррелятах, а также в попытке обнаружить пути пересечения методологических принципов психоанализа и академической психологии на примере изучения деструктивности.

Практическая значимость работы заключается в том, что данные об особенностях переживания личностью собственной деструктивности, их смысловом наполнении, значении в жизненном контексте, а также об их связи со структурой личности, могут представлять ценность для практики психологического консультирования и психотерапии. Концепция деструктивности личности может быть использована для описания и интерпретации широкого круга психологических явлений, составляющих

актуальные запросы клиентов в консультативной и психотерапевтической работе.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трёх глав, двенадцати параграфов, заключения, списка литературы, приложений. Список литературы содержит 92 источника, из которых 70 на русском языке и 22 на английском языке.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Психологические подходы к изучению деструктивности личности

1.1.1. Деструкция и деструктивность в соотношении с основными категориями психического

Несмотря на то, что понятия «деструкция» и «деструктивность личности», на первый взгляд, обладают некоторой долей абстрактности, существует множество психологических подходов к их определению и операционализации. Систематизация и упорядочивание разрозненного теоретического материала позволит обозначить перспективы для дальнейших исследований феномена деструктивности.

Приступая к анализу понятийного аппарата, не будет излишним обратиться к этимологии слова «деструкция». В переводе с латинского языка оно означает разрушение, рассыпание конструкции, нарушение нормальной структуры чего-либо [33]. Данное обобщённое толкование универсально и для естественно-научных, и для гуманитарных дисциплин: в этом значении термин «деструкция» используется в биологии, медицине, геологии, механике и в психологии, социологии, философии, искусствоведении. Во всех определениях сохраняется исходный смысл – противопоставление конструкции, отрицание целостности некой структуры. Например, деструкция в философии М. Хайдеггера – это феноменологический метод, предполагающий разрушение, «расшатывание окостеневшей философской традиции» с целью прийти к сути основных понятий [63, С. 39].

В различных областях знания и в разных контекстах феномен деструкции всегда определяется через категории процесса: разрушение или нарушение, рассыпание или расшатывание. Первое в психологии определение деструкции, сформулированное С. Н. Шпильрейн в 1912 году, содержало идею о

процессуальности психического и далее деструкция традиционно описывалась представителями психоанализа как разновидность или компонент влечения, под которым подразумевается динамический психический процесс.

Возможно ли соотнести остальные категории психического – свойство, состояние или отношение – с исследуемым нами феноменом?

Говоря о деструкции в связи с категорией свойства, необходимо перейти к термину «деструктивность», которым определяется относительно устойчивая характеристика человека – субъекта и/или личности. Впервые подобное определение было сформулировано Э. Фроммом в работе «Анатомия человеческой деструктивности».

Согласно В. Н. Мясищеву, категория свойства пересекает разные планы других психологических категорий: свойства обнаруживаются и в процессах, и в отношениях, и в состояниях человека [41]. В ряде исследований представлен подход к определению деструктивности как комплексного свойства или метачерты личности, соответствующей более высокому уровню обобщения и подразумевающей многоплановость проявлений. Однако большинство современных авторов под деструктивностью понимают свойство или характеристику человеческой активности: в этом контексте чаще всего употребляются понятия деструктивного поведения и деструктивной деятельности (Злоказов, 2016; Лысак, 2006).

Кроме того, деструкцию можно соотнести с ещё одной категорией психического – состоянием, и, следуя логике В. Н. Мясищева, рассматривать деструктивность как свойство состояния. Различные по эмоциональному знаку воздействия – положительные, нейтральные или отрицательные, – психические состояния могут обладать свойством деструктивности. Например, сравнивая понятия «стресс» и «дистресс» в концепции Г. Селье, только о последнем мы можем говорить как о деструктивном состоянии, нарушающем функционирование.

Тот же принцип может соблюдаться при описании деструктивности как свойства отношений личности. Однако в настоящее время понятия деструктивного отношения личности или деструктивных межличностных отношений недостаточно чётко определены и не рассматриваются в рамках строго научных концепций. Отдельно изучаются деструктивная привязанность к партнёру, деструктивное общение и другие феномены (Волкова, 2014; Григорова, 2015). На наш взгляд, дефицит подобных исследований необходимо восполнить для расширения научных представлений о разрушительности человека.

Далее мы обратимся к более подробному анализу психологических подходов к определению исследуемых понятий «деструкция» и «деструктивность», разделив их на две группы по критерию используемых в определении категорий психического – процесса или свойства.

1.1.2. Деструкция как психодинамический процесс

Нашей соотечественнице С. Н. Шпильрейн принадлежит первое определение деструкции в психологической науке и первая психоаналитическая работа, посвящённая этому феномену, которая называется «Деструкция как причина становления». Работа С. Н. Шпильрейн написана сложным метафорическим языком, сочетает в себе описание клинических случаев, иллюстрации из мифологии и литературы, анализ биографии и философского учения Ф. Ницше, и что особенно важно, эта статья содержит ценные психоаналитические идеи, сформулированные автором под влиянием двух крупнейших фигур – З. Фрейда и К. Г. Юнга.

Влияние З. Фрейда очевидно в рассуждениях С. Н. Шпильрейн о сексуальности. Описывая страхи, фантазии и сновидения своих пациентов, С. Н. Шпильрейн приходит к выводу о наличии деструктивных составляющих в

инстинкте размножения¹. Согласно определению исследовательницы, деструкция – это отрицательный компонент инстинкта сохранения вида, амбивалентного и динамичного по своей сути, в отличие от «статического» инстинкта самосохранения. С. Н. Шпильрейн утверждает, что «наряду с желанием устойчивости в нас имеется желание трансформации», соответствующие двум видам инстинктов [66, С. 12]. Инстинкт размножения, предполагающий трансформацию, неизбежно содержит в себе деструкцию, ибо «никакое изменение не может происходить без уничтожения старого состояния» [66, С. 21].

Не менее значительное влияние на учение С. Н. Шпильрейн оказали идеи К. Г. Юнга. В статье С. Н. Шпильрейн представила собственное видение концепции коллективного бессознательного, представив психодинамические процессы в виде взаимодействия «Я-души» и «родовой души». В этом взаимодействии сменяют друг друга две основные тенденции: 1) дифференциация новых, индивидуально специфичных представлений из более универсальных, общечеловеческих; 2) ассимиляция, растворение индивидуального в типичном, общезначимом, родовом, «Я» в «Мы» [57].

Динамика процессов дифференциации и ассимиляции обуславливает любое переживание, которое, согласно С. Н. Шпильрейн, никогда не происходит непосредственно в настоящем и, дифференцируясь из бессознательного в настоящее, т.е. став осознанным, всегда вновь стремится к ассимиляции в прошлом. По такому же принципу осуществляется мышление: «чем больше мы приближаемся к сознательному мышлению, тем более дифференцированными становятся наши представления, но чем глубже мы

¹ Здесь мы повторяем слово «инстинкт» вслед за самой С. Н. Шпильрейн, однако с оговоркой, что этот термин неприменим к описанию поведения человека с точки зрения современных научных исследований, а в более поздних психоаналитических концепциях он был вытеснен понятием «влечение».

проникаем в бессознательное, тем более общими, типичными они становятся» [66, С. 9].

Обобщив основные положения концепции С. Н. Шпильрейн, сформулированные путём анализа и синтеза идей З. Фрейда и К. Г. Юнга, можно прийти к заключению, что деструкция – это целостный психодинамический процесс, включающий в себя субпроцессы трансформации, дифференциации и ассимиляции.

Знакомство З. Фрейда со статьей С. Н. Шпильрейн побудило основоположника психоанализа к пересмотру собственной теории влечений. Изначально З. Фрейд противопоставлял сексуальному влечению, направленному на объект (объектному либидо), стремление к самосохранению или влечение Я (либидо Я). Однако в работе 1920 года «По ту сторону принципа удовольствия» он впервые выводит оппозицию «либидинозное влечение – влечение к смерти», которая с тех пор более прочно закрепилась в метапсихологической теории. В отличие от С. Н. Шпильрейн, анализировавшей разрушительный компонент инстинкта размножения, З. Фрейд трактует деструкцию как самостоятельное влечение к смерти, целью которого является уничтожение жизни и восстановление неорганического состояния или состояния покоя, из которого жизнь когда-то зародилась [60]. В пределе конечной целью деструкции всегда является смерть, однако в реальном жизненном процессе наблюдаются непрерывные взаимодействие и борьба разнонаправленных влечений, обуславливающие сложную и разнообразную внутреннюю динамику.

В ранних психоаналитических концепциях использовались различные синонимичные термины, описывающие феномен деструкции, и наряду с «влечением к смерти» З. Фрейда, можно упомянуть «деструдо» Э. Вейсса и «мортидо» П. Федерна [50].

В. Штекель использовал термин «Танатос» (имя греческого бога смерти) для персонификации влечения, противоположного «Эросу», влечению к жизни [68]. Символические проявления Танатоса В. Штекель обнаруживал в фантазиях своих пациентов, обращая внимание на то, что любое соприкосновение с темой смерти вызывает большое психическое напряжение.

В ряде современных работ осмысливается соотношение понятий «деструкция» и «влечение к смерти». Например, финские психоаналитики П. Иконен и Э. Рехардт, развивая идеи З. Фрейда и В. Штекеля, предлагают считать именно Танатос наиболее крупной категорией для интерпретации, а агрессию, деструкцию, деструктивность Супер-Эго, садизм, мазохизм и другие феномены – производными Танатоса [25]. По мнению авторов, основной целью этой психической тенденции является движение в сторону от удовольствия: Танатос стремится устранить то, что повышает энергетическое напряжение, сводя его к максимально низкому уровню (то, что З. Фрейд называл «принципом нирваны») или же сохраняя его неизменным («принцип постоянства»). Иными словами, влечение к смерти – это стремление к состоянию покоя или относительного покоя, которое предшествовало нарушившей покой стимуляции.

Дуалистическая теория влечений З. Фрейда получила развитие в теории объектных отношений М. Кляйн [32]. В аналитической работе с маленькими детьми она наблюдала постоянную борьбу между безудержным стремлением разрушить свои объекты и желанием сохранить их. Согласно М. Кляйн, влечение к смерти переживается как страх аннигиляции и потому сопровождается тревогой. Чтобы защитить себя от этой тревоги, примитивное Эго использует два процесса: проекцию части инстинкта смерти в объект, в силу чего он становится преследователем, и последующее обращение против этого преследующего объекта той части инстинкта смерти, которая была оставлена в Эго [52].

Р. Фейрберн описывает противоположный процесс интернализации преследующего объекта, развивая свои идеи о воссоздании во внутреннем мире внешних травматических отношений ребенка. Благодаря интернализации «плохого» объекта, которым чаще всего выступает агрессивный или отвергающий родитель, формируется особая структура – антилибидинозное Эго [73].

Р. Шпиц обращает внимание на то, что размежевание агрессивного и либидинозного влечения происходит в момент установления объектных отношений, в момент дифференциации «Я» и «не-Я» [67]. Отметим сходство этого тезиса с описанием С. Н. Шпильрейн процесса дифференциации, вычленения «Я-души» из «родовой души», являющегося компонентом деструкции.

Таким образом, сменяющие друг друга механизмы проекции и интроекции, интернализации и дифференциации обуславливают психодинамику деструктивности в объектных отношениях.

Пост-кляйнианский аналитик Г. Розенфельд подчеркнул роль этих механизмов в формировании деструктивной нарциссической организации. Согласно Г. Розенфельду, идеализация самости при нарциссизме поддерживается всемогущественными интроективными и проективными идентификациями с идеальными объектами и их качествами [52, 53]. В деструктивном варианте разрушительные импульсы, переживаемые в объектных отношениях, не направляются на соответствующие внешние объекты и одновременно с этим идеализируются всемогущественные деструктивные части Самости.

Теоретики объектных отношений не предлагают принципиально новых определений деструктивности личности: М. Кляйн называет её влечением к смерти, а Р. Фейрберн – фрустрированным влечением. Однако представляется важным проследить преемственность психоаналитических идей и подчеркнуть

значимость рассмотрения деструкции как фактора, обуславливающего динамику объектных отношений и формирование интернализированных психических структур и деструктивных форм организации личности.

Феномен деструкции переосмысливается и представителями других школ, в частности современными французскими аналитиками, постулирующими обращение назад к истокам психоанализа, призывающими к более глубокому и внимательному изучению основных положений теории З. Фрейда. Например, Б. Розенберг в своих исследованиях интерпретирует метапсихологическую концепцию мазохизма, изложенную в ряде работ З. Фрейда, и приходит к выводу, что под мазохизмом в широком смысле можно понимать способность психики терпеть неудовольствие [51]. Отсюда следует, что мазохизм обеспечивает сохранность, целостность, внутреннюю непрерывность, позволяя выносить тревожные переживания и состояния неудовольствия, связанные с отсрочкой удовлетворения. Кроме того, по мнению Б. Розенберга, «Человеческое существо может...узнать себя в качестве субъекта лишь благодаря мазохистическим переживаниям» [51, С. 104]. Вспомним, что С. Н. Шпильрейн, писавшая о деструкции как причине становления, также подразумевала в первую очередь аутодеструкцию.

Обращаясь к современным отечественным психоаналитическим исследованиям, стоит отметить работы С. Ф. Сироткина. Деструкция в концепции этого автора – одна из форм реализации влечения и снятия напряжения, которая заключается в устранении объекта влечения. По мнению исследователя, влечение есть интенция субъектности, которая может быть исчерпана (реализована) различными способами: в своём источнике (через боль), в своей энергии (путём вытеснения), в своей цели (посредством сублимации) и объекте (за счёт его трансформации и деструкции). В то же время С. Ф. Сироткин считает, что «в каждой характеристике влечения есть

элемент деструктивности, влечение во всех своих компонентах разрушаемо, трансформируемо, способно выходить за пределы себя» [49, С. 14].

Таким образом, деструкция как психодинамический процесс или разновидность влечения, рассматривалась в рамках классического психоанализа и переосмыслялась далее теоретиками объектных отношений и представителями французской школы, а также находится в фокусе внимания современных исследователей, в том числе российских психоаналитиков.

1.1.3. Деструктивность как свойство

Переход от психодинамического подхода к изучению внутриспсихического процесса деструкции к рассмотрению разрушительности человека как устойчивого свойства осуществил американский психоаналитик и представитель неотрейдизма Э. Фромм в своём труде «Анатомия человеческой деструктивности».

Он предложил разграничивать две формы агрессии человека: доброкачественную – связанную с самообороной, ответной реакцией на угрозу, свойственную в том числе животным, – и злокачественную агрессию. Именно последнюю Э. Фромм определял термином «деструктивность», обозначающим специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать [62, С. 18-19]. Слова «страсть» и «желание» в данном определении будто бы снова отсылают нас к классическому психоанализу, однако в своей работе Э. Фромм по большей части критикует биологический детерминизм З. Фрейда и фокусируется в первую очередь на социокультурных феноменах. В частности, автор применяет идеографический подход для анализа личности А. Гитлера, объясняя его индивидуальные особенности и патологическую разрушительность преимущественно социокультурными детерминантами.

Э. Фромм также различает две формы деструктивности: спонтанную и связанную со структурой личности. Первая форма соответствует реактивному

деструктивному поведению, проявляющемуся в экстремальных ситуациях. В то же время деструктивность может существовать в форме устойчивого свойства личности и структурной характеристики, несводимой только лишь к поведенческим паттернам.

Согласно предложенному Э. Фроммом принципу, мы можем разделить всё многообразие современных психологических научных работ, посвящённых свойству деструктивности, на две группы: исследования разрушительного и саморазрушительного поведения и исследования деструктивности как системного качества личности.

1.1.4. Деструктивное поведение

В первой группе академических исследований объектом изучения чаще всего выступает деструктивное поведение человека. Специфической целью деструктивного поведения, по сравнению с агрессивным, является разрушение в различных его формах.

По мнению К. В. Злоказова, деструктивная активность субъекта направляется на разрушение функционирующих структур, препятствующих удовлетворению его потребности [20]. Эти структуры могут быть экстрапсихическими (например, социальные системы, группы или институты) или аутопсихическими (образ «Я», субъективная картина жизненного пути, элементы самосознания).

Предметом актуальных исследований К. В. Злоказова является деструктивное социальное поведение, характеризующееся целенаправленным разрушительным воздействием на объекты социальных отношений [21]. Изучение и прогнозирование такого типа поведения, согласно концепции автора, возможно посредством методологии социально-когнитивного подхода, в рамках которого человек определяется в первую очередь как действующий субъект. При этом предполагается, что его поведение детерминировано осознанием целей, намерений, установками мышления.

В зависимости от типа объекта и цели активности К. В. Злоказов дифференцирует следующие виды деструктивного социального поведения [21]:

- 1) Интрасубъектное (разрушаемый объект – собственное тело, здоровье, физические и психические ресурсы);
- 2) Интрасубъектное (разрушаются отношения с конкретными людьми);
- 3) метасубъективное (деструкция затрагивает ролевое поведение человека в социальных структурах).

Аналогично в определении Ю. А. Клейберга деструктивное поведение предстаёт прежде всего фактором социальной дезадаптации, поскольку оно нарушает, разрушает или приводит к распаду любой социальной связи и снижению качества жизни человека [31].

Ц. П. Короленко и Т. А. Донских деструктивным считают отклоняющееся поведение, причиняющее вред самому человеку и обществу в целом, а к его разновидностям относят аддиктивное, антисоциальное, суицидальное, конформистское, фанатическое, нарциссическое и аутистическое поведение [34].

Кроме того, правомерно различать проактивное и реактивное, целенаправленное и нецеленаправленное, преднамеренное и непреднамеренное разрушительное и саморазрушительное поведение.

В отличие от других авторов, И. В. Лысак в своих работах анализирует деструктивную деятельность человека, понимая под ней форму активного отношения субъекта к миру или к самому себе. Основным содержанием деструктивной деятельности, по мнению исследовательницы, является разрушение существующих объектов и систем [40].

В фокусе внимания зарубежных психологов в последние годы находится преимущественно аутодеструктивное и самоповреждающее поведение (Tsirigotis, 2016, 2018; Tsirigotis & Łuczak, 2016; Kolbeck et al., 2019).

Словарь Американской психологической ассоциации содержит довольно широкое определение аутодеструкции: это любые «действия индивида, наносящие ему ущерб и не отвечающие его наилучшим интересам» [91]. В ряде зарубежных исследований изучаются личностные корреляты и предикторы деструктивного и аутодеструктивного поведения, для измерения которых активно используются шкалы «Большой пятёрки» [80, 82].

Кроме того, зарубежные исследователи полагают, что разрушительное поведение выполняет специфические функции в системе личности. Результаты мета-аналитического исследования, проведённого в 2018 году Р. J. Taylor с соавторами, показывают, что в 66-81% случаев самоповреждающее поведение служит реализации внутриличностных (интраперсональных) функций, а именно самонаказания и эмоциональной регуляции. Гораздо реже (33-56% случаев) самоповреждение выполняет межличностные (интерперсональные) функции – наказание других, межличностное влияние или сообщение об уровне переживаемого стресса [87].

Анализ деструктивного поведения как формы активности субъекта, на первый взгляд, предполагает больше возможностей для эмпирического исследования, однако мы полагаем существенным недостатком данного подхода исключение из рассмотрения неосознаваемых мотивов и тенденций и характеристик ценностно-смысловой сферы, т.е. направленности личности.

В современном российском психоанализе под термином «деструктивность» принято обобщать «внутреннее содержание психической сферы и поведенческие феномены, проявляющиеся в фантазийной или реальной агрессивной направленности на разрушение объектов и (или) субъекта» [43, С. 239]. Достоинством данного определения является включение в рассмотрение не только реально наблюдаемых поведенческих актов, но и внутриспсихических проявлений деструктивности. Ссылаясь на концепцию В. Штекеля, отечественные психоаналитики обозначают важность исследования явлений

«психической аутоагрессии», которая выражается в самоуничижении, низкой самооценке, самообвинении, фиксации на чувстве вины и т.д.

Однако здесь, аналогично большинству вышеперечисленных определений, для описания феномена деструктивности используется категория «субъект», а не «личность». Принципиальное различие категорий состоит в том, что личность выступает носителем содержания внутреннего мира, а субъект – его реализацией во внешнем плане. Вслед за Е. А. Сергиенко под личностью можно понимать стержневую структуру субъекта, задающую общее направление самоорганизации и саморазвития [48]. В связи с этим необходим переход к анализу деструктивного поведения в его соотношении со структурными и динамическими характеристиками системы личности.

1.1.5. Деструктивность как системное качество личности

Анализ современной отечественной и зарубежной литературы по психологии личности позволил заключить, что деструктивность в контексте личностной структуры можно определить скорее как метачерту или метахарактеристику, обобщающую традиционно известные черты и описывающую более высокий уровень организации, по аналогии с моделью метачерт личности, предложенной Strus и Ciecuch [86].

Например, Т. А. Свиридченкова под деструктивными свойствами личности понимает определённый класс характеристик, обобщающий предрасположенность к тем или иным невротическим состояниям и высокий уровень тревоги [47].

Согласно определению К. В. Злоказова и В. П. Прядина, деструктивность – это системное качество личности, проявляющееся в стремлении к уничтожению, разрушению существующих социальных структур, и представляющее собой результат этого процесса [23]. Деструктивность, по мнению исследователей, является комплексной характеристикой личности, в которой можно дифференцировать следующие компоненты:

1. астенические индивидуально-типологические особенности;
2. дисгармонические стили организации деятельности;
3. преобладающие асоциальные мотивы в ценностно-смысловой сфере;
4. дезадаптивные стратегии поведения.

Также К. В. Злоказов утверждает, что деструктивность является своеобразным способом развития личности в пространстве социальных отношений, в которых значение имеют не только стратегии присоединения, но и отчуждение и отрицание [19]. По мнению автора, деструктивность тесно связана с идентичностью и во многом обуславливает её формирование, а значит, в целом может иметь для личности положительное значение, выступать структурирующим фактором. Этот тезис согласуется с концепцией деструкции С. Н. Шпильрейн, поскольку в данном контексте формирование идентичности можно рассматривать как один из этапов становления.

Результаты исследования Ю. Д. Чертковой и М. С. Егоровой, также подтверждают позитивное значение деструктивности и свидетельствуют о том, что негативные черты личности (например, нарциссизм или авторитарность) могут играть положительную роль в психологической адаптации и выполнять компенсаторную функцию в стрессовых ситуациях [65]. Однако негативность черт не тождественна их деструктивности: последняя, по мнению исследовательниц, скорее проявляется в разрушительном воздействии на окружающих людей, а не на саму личность – носителя негативных черт.

Деструктивность в качестве метахарактеристики представлена также в концепции немецкого психоаналитика Г. Аммона, заслуживающей более подробного изложения. Данная концепция сочетает в себе структурный и функциональный подходы к изучению личности, поскольку включает описание Я-структуры, определяемой Г. Аммоном как совокупность взаимосвязанных Я-функций – агрессии, тревоги, Я-отграничений, нарциссизма и сексуальности.

Каждая Я-функция имеет три модуса – конструктивный, деструктивный и дефицитарный. Обобщив определения деструктивных Я-функций, данные Г. Аммоном, можно сделать вывод, что они характеризуются чрезмерной выраженностью функции по сравнению с конструктивной и дефицитарной формами, вследствие чего разрушается целостность личности, её отношения с окружающими или её деятельность [28, 70].

Рассмотрим это положение на примере Я-функции агрессии. Агрессия по Г. Аммону – это целенаправленная активность, способствующая установлению контактов. В конструктивной форме она способствует активному построению собственной жизни, формированию собственной точки зрения и сохранению отношений с окружающими. Агрессия в деструктивной форме разрушает отношения, проявляется в виде бурных эмоциональных реакций, цинизма, мести. Дефицитарность агрессии означает другую крайность – пассивность, отсутствие контактов с окружающими, неспособность отстоять себя и своё мнение. Стоит обратить внимание на то, что Г. Аммон вслед за Э. Фроммом признаёт понятия «агрессия» и «деструкция» несинонимичными: по мнению автора, агрессия всегда находится под контролем Эго и потому «бесконфликтна», а деструкция – бессмысленна, иррациональна и обусловлена бессознательными мотивами, поэтому она «рождается из конфликта» [2, С. 94].

Важное место в концепции Г. Аммона занимают две специфические Я-функции – Внутреннее и Внешнее Я-отграничение.

Внешнее Я-отграничение – это способность отделять себя от других, способность различать «Я» и «не-Я», находить баланс между дистанцией и близостью. В деструктивном варианте эта функция проявляется в радикальной дистанцированности, уходе в себя, отсутствии контактов, эмоционального участия.

Внутреннее Я-отграничение – это способность находить баланс между сознательной и бессознательной частями собственной психики. Деструктивное

внутреннее Я-отграничение означает блокировку бессознательного, неспособность личности дифференцировать логику и эмоциональность, выстраивание ригидного барьера относительно своих чувств и потребностей.

Кроме того, деструктивная форма проявления может характеризовать такие компоненты Я-структуры, как тревога, нарциссизм и сексуальность.

Деструктивная тревога выражается в разрушении жизнедеятельности человека и его способности к активному поведению и общению вследствие переполняющего психику страха смерти.

Нарциссизм, принимающий деструктивную форму, проявляется в нереалистической самооценке, уходе в свой внутренний мир, негативизме, частых обидах, неспособности адекватно воспринимать критику и эмоциональную поддержку окружающих. Следствием всех этих проявлений становится разрушительная самоизоляция.

Наконец, деструктивная сексуальность представляет собой отщепление этой функции Я-структуры от других проявлений Я, в результате которого нарушается процесс интеграции сексуальной активности в целостном поведении личности.

Концепция Г. Аммона представляет особый интерес, поскольку на её основе была разработана психодиагностическая методика «Я-структурный тест» (ISTA), адаптированная на русскоязычной выборке Ю. А. Тупицыным и активно используемая в эмпирических исследованиях [28, 70].

Обобщая вышеизложенные концепции и определения, можно сделать вывод о том, что деструктивность – это метасвойство личности, которое проявляется в стремлении к разрушению объектов и систем окружающего мира, а также в стремлении к саморазрушению. Многоплановость проявлений деструктивности как комплексной характеристики личности подразумевает анализ и внутриспсихических феноменов (например, психическую аутоагрессию,

деструктивную тревогу), и непосредственно наблюдаемых внешних поведенческих паттернов, обнаруживающихся в деятельности и активности.

Поскольку задачей нашего исследования является изучение деструктивности с позиций процессуального подхода, в связи с устойчивостью и изменчивостью личности, мы можем операционализировать понятие «деструктивность личности» следующим образом:

Деструктивность – это системное качество личности, проявляющееся в стремлении к разрушению существующих объектов и систем, и обнаруживающееся в деятельности и активности.

1.2. Проблема переживания личностью собственной деструктивности

Методология процессуального подхода, которую мы стремимся реализовать в данном исследовании, переносит фокус внимания во внутренний план и предполагает рассмотрение личности как непрерывно изменяющейся динамической системы, т.е. отражает содержательную и сущностную сторону психического. В связи с этим процессуальный подход подразумевает также обращение к феноменологии переживаний личности. В данном параграфе будут рассмотрены основные подходы к изучению феномена переживания, разработанные отечественными и зарубежными авторами, а также проанализированы возможности применения этих подходов к исследованию переживаний деструктивности.

1.2.1. Подходы к определению феномена переживания в отечественной и зарубежной психологии

Феноменологический подход к психологическому исследованию восходит к философии Э. Гуссерля, определявшего переживание как процесс непосредственного внутреннего схватывания явления, который с одной стороны, протекает в каждый настоящий момент времени, а с другой стороны, может становиться предметом рефлексии [16]. В феноменологии Э. Гуссерля

этим двум аспектам соответствуют два термина: «Erleben» – сиюминутное переживание как процесс и «Erlebnis» – переживание, ставшее предметом рефлексии.

Двузначность исходного определения отражена в различных психологических концепциях переживания. Среди авторов нет единой позиции относительно природы переживания и в разных определениях оно предстаёт одновременно и как акт сознания, и как эмоциональный процесс [56].

В. В. Знаков разделяет термины «переживание» и «рефлексия», связывая с переживанием субъекта тезаурусный способ понимания реальности: переживание в единстве с познанием порождает опыт, который в свою очередь постигается в процессе рефлексии и самопонимания [24]. По мнению В. В. Знакова, в постижении человеком реальности существует противоречие между осознанностью рефлексии и личностным, не всегда осознаваемым характером переживаний.

Особый интерес представляет концепция переживаний, разработанная отечественным психологом Ф. Е. Василюком. С одной стороны, Ф. Е. Василюк так же, как и многие авторы, определяет переживание как акт сознания или рефлексии, как субъективное и пристрастное отражение мира, связанное с возможностью удовлетворения актуальных мотивов и потребностей субъекта [9, С. 11]. С другой стороны, отечественный исследователь рассматривает переживание как особую внутреннюю деятельность, с помощью которой человеку удаётся перенести тяжёлые жизненные события и справиться с критическими ситуациями. К таковым Ф. Е. Василюк относит стресс, фрустрацию, конфликт и кризис. Каждому типу ситуации соответствует определённый тип переживания: гедонистическое, реалистическое, ценностное или творческое. Введение категории «деятельность» в концепцию переживания обращает внимание на активность личности, творческую, созидательную, направленную на смыслопорождение и смыслостроительство.

А. Н. Леонтьев также утверждал, что главная функция переживаний состоит в том, что они сигнализируют субъекту о личностном смысле событий, происходящих в его жизни [37]. Смысл, осознаваемый как «значение для меня», связывает переживания со структурой личности через систему отношений. Согласно Д. А. Леонтьеву, личностный смысл отражает качественно определённое отношение к объекту или явлению и соответствует ведущим мотивам, которые придают объектам и явлениям личностную значимость [38].

Соотношение понятия переживания с категорией личностного смысла обнаруживается и в ряде работ зарубежных исследователей.

Например, в работе Е. Т. Gendlin «Переживание и порождение смысла», описывающей его концепцию фокусировано-ориентированной психотерапии, в качестве основного терапевтического приёма предложена символизация переживаний – распознавание и вычленение из слабо оформленного потока чувствований, испытываемых человеком в каждый момент времени, непосредственно ощущаемого, чувственного смысла [75].

Анализируя понятие повседневного переживания, американский исследователь Е. Кеен обращает внимание на наличие в каждом актуальном переживании некоторого заднего фона, или «горизонта», благодаря которому любое событие обретает для человека особый смысл [79]. Е. Кеен разграничивает три «фундаментальных горизонта», каждый из которых определяет различный уровень смысла переживания: структуру пространственного поля и телесного опыта индивида, структуру времени и структуру социальных отношений.

Обобщая результаты предыдущих исследований, современные авторы пытаются конкретизировать понятие переживания, определив его структуру и ключевые компоненты. Так, Л. Р. Фахрутдинова обозначает следующие характеристики структуры переживания:

- 1) телесная, эмоциональная, когнитивная составляющие;

2) пространственные, временные, информационные, энергетические составляющие;

3) психосемантическая составляющая [56].

Выделенные компоненты позволяют описать переживание феноменально и операционализировать это понятие для проведения исследования с использованием феноменологического подхода. При внимательном рассмотрении можно обнаружить, что предложенное Л. Р. Фахрутдиновой разделение компонентов во многих аспектах пересекается с классификацией Е. Кеен. Вновь стоит отметить как особенно важное то, что оба автора фокусируются на семантическом, смысловом наполнении переживания.

Схожий принцип дифференциации компонентов обнаруживается в структуре переживания, предложенной А. М. Улановским. Автор предлагает выделять в переживании:

- 1) его феноменальный предмет переживания («что» переживания);
- 2) смыслы, предикаты и содержательные определения данного предмета;
- 3) способ полагания бытия данного предмета (оценка и интерпретация его как достоверного, вероятного, сомнительного, желательного и т.д.) [54].

Также переживание, согласно А. М. Улановскому, основывается на различных актах, в которых человеку дан предмет в определенный момент времени (акты восприятия, суждения, фантазии, радости и т.д.) и в которых формируется смысл этого предмета. Кроме того, каждое переживание содержит в себе «я» как тождественный полюс переживаний.

Феноменологический подход к исследованию, возникший как альтернатива исследованиям поведения, предполагает преимущественное использование качественных методов сбора и обработки данных, и благодаря этому открывает больше возможностей для изучения психологических явлений, относящихся к проблемному полю экзистенциальной психологии и психологии личности [78, 92].

1.2.2. Особенности переживания личностью собственной деструктивности

В своей работе «Психология переживания» Ф. Е. Василюк использовал термин «деструкция», понимая под ним один из вариантов поведенческих реакций на критическую ситуацию, связанную с фрустрацией потребности [9]. Согласно предложенной им типологии, деструкция связана с реалистическим переживанием, оценкой мира как внешне трудного и внутренне простого, препятствующего удовлетворению потребности «здесь и сейчас». Реалистическое переживание по Ф. Е. Василюку позволяет отсрочить удовлетворение, согласовать внутренние побуждения с принципом реальности. Несмотря на то, что в этой части концепция Ф. Е. Василюка хорошо согласуется с идеями классического психоанализа З. Фрейда, деструкция определяется здесь несколько упрощённо, поскольку редуцируется к поведенческим проявлениям.

В рамках экзистенциально-гуманистического подхода деструкцию также можно определить как реакцию на фрустрацию, что аналогично тезису концепции Ф. Е. Василюка [6]. Однако в данном случае речь идёт о фрустрации не только и не столько биологических, сколько духовных потребностей, в частности, потребности в поиске и реализации смысла жизни. Личность, переживающая фрустрацию духовных потребностей, вряд ли переживает свой мир как «внутренне простой», поэтому применительно к проблеме деструктивности недостаточно говорить лишь о согласовании с принципом реальности и реалистических переживаниях по Ф. Е. Василюку.

Д. А. Леонтьев, рассуждая о предельной форме аутодеструкции – суициде, приходит к выводу о том, что самоубийство не является неизбежным следствием ни одной из изученных его причин или статистических факторов [39]. Поэтому необходимо признать, что единственной причиной суицида является сознательный выбор, совершаемый человеком в результате осмысления событий собственной жизни и наделения самого суицидального

акта особым личностным смыслом в процессе переживания. В связи с этим представляется важным получить данные об особенностях переживания личностью собственной деструктивности, в частности о личностном смысле, которым наделяет личность свои деструктивные и аутодеструктивные проявления.

Эмоциональный компонент переживания личностью собственной деструктивности также представляется интересным для подробного исследования, поскольку может включать широкий спектр эмоциональных реакций, различным образом обуславливающих или опосредующих внутреннюю деятельность переживания. Согласно результатам исследования отечественного психолога С. И. Дьякова основными эмоциональными компонентами переживания деструктивного опыта являются тревога, страх, стыд, вина, обида [18]. При этом основой подсознательного деструктивного комплекса проблемного опыта выступает бессознательное свойство тревоги. Также автором получены результаты, подтверждающие роль семантической (смысловой) репрезентации деструктивного опыта в самоорганизации личности: деструктивные подсознательные психические механизмы (или дисфункциональные комплексы индивидуального опыта), будучи семантическими факторами, нарушают оптимальность системы психической самоорганизации личности, её активность, препятствуют гармоничной адаптивности и самореализации личности в жизненном пространстве [18].

В поздних работах Ф. Е. Василюк подчёркивает значимость для психотерапевтической практики задачи осмысления критериев желаемого отношения личности к своему переживанию [10]. Стоит отметить, что спецификой переживания деструктивности является то, что личность, проявляя это свойство, усугубляет и затрудняет ту критическую ситуацию, на преодоление которой направляется внутренняя деятельность переживания. Но сам факт того, что проявление деструктивности было осознано,

отрефлексовано и эмоционально выражено в переживании, может послужить ресурсом для конструктивного преодоления критических ситуаций.

Возвращаясь к первой психологической концепции деструкции, предложенной С. Н. Шпильрейн, рассмотрим повнимательнее ключевую идею исследовательницы, содержащуюся в названии её статьи: «деструкция есть причина становления». Разрушение и созидание существуют в единстве, это два непрерывно взаимодействующих процесса, которые обуславливают динамику психической жизни человека. Современные исследователи и практики в области психоанализа соглашаются с этим тезисом и говорят о существовании архетипического паттерна близости творчества и разрушения [81].

И всё же столь значимая и сильная, отчасти революционная, идея С. Н. Шпильрейн, не была должным образом осмыслена и развита ни в более поздних психоаналитических концепциях, ни в психологической науке в целом, несмотря на очевидную связь с проблематикой современной экзистенциальной психологии и созвучие многим её положениям. Концепцию деструкции С. Н. Шпильрейн можно соотнести с такими понятиями, как становление личности, данности бытия, трансценденция, экзистенциальный кризис и др. Чтобы проиллюстрировать это соотношение, вспомним феномен пограничной ситуации, активно изучаемый в рамках современной экзистенциальной психологии.

Пограничная ситуация – это ситуация краха, в которой человек стоит перед лицом «ничто» и испытывает «крушение» мира и всего сущего [46]. Такими ситуациями могут быть болезнь, страдание, вина, смерть и др. Через сильнейшее эмоциональное переживание познаёт трагическую суть бытия, понимает, что «всякое существование уже несет в себе свою погибель» [69, С. 204]. Несмотря на предельный трагизм и разрушение прежних представлений о мире (деструкцию картины мира), подобный опыт является решающим для

духовного развития как возможность выйти на новый уровень, именно в пограничной ситуации человеку становится доступна трансценденция.

Схожее по смыслу утверждение в контексте анализа культурно-исторических процессов формулируют А. Г. Асмолов и М. С. Гусельцева: «в переломные периоды развития систем (биологические катаклизмы, социальные кризисы) значение неадаптивной активности входящих в эти системы элементов возрастает и обнаруживает ее эволюционный смысл» [4, С. 45]. К основным признакам неадаптивной активности авторы относят выход за рамки официальной модели общества, нарушение его устоев и традиций, «взламывание» социальных стереотипов. Иными словами, неадаптивная активность часто носит деструктивный характер, но при этом она является ведущим фактором эволюции общества.

Целью практической психологии является превращение деструктивных способов переживания экзистенциальных проблем и кризисных ситуаций в конструктивные [15]. Полагаем, что такое превращение возможно только посредством сопутствующего переживанию переосмысления собственной деструктивности.

Таким образом, синтез идей психоанализа и методологии современных психологических академических исследований возможен в рамках феноменологического подхода к исследованию особенностей переживания личностью собственной деструктивности.

1.3. Связь устойчивости и изменчивости личности с особенностями переживания деструктивности

Интерпретация понятий устойчивости и изменчивости личности является ключевым вопросом современной психологии, поскольку определяет развитие её теоретических и методологических оснований и, соответственно, расширяет пространство для эмпирических исследований. Различия в понимании феномена устойчивости личности соотносятся с основными методологическими подходами психологии личности: структурным, динамическим и системным, которые находятся в тесном переплетении и не всегда строго разграничиваются исследователями.

В рамках диспозиционной парадигмы или структурного подхода, не теряющего актуальности и значимости для современных исследований, устойчивость рассматривается в трёх основных аспектах:

- 1) как самостоятельная характеристика личности, измеряемая черта;
- 2) как свойство отдельных черт личности, каждая из которых обладает различной степенью изменчивости, темпоральной или ситуативной, а значит, может быть в большей или меньшей мере устойчивой;
- 3) как совокупная черта или метачерта, общий фактор, объединяющий другие диспозиции.

Устойчивость как самостоятельное свойство личности чаще всего определяется в психологии как способность справляться со стрессовыми, травмирующими, конфликтными ситуациями. Как и любое свойство личности, устойчивость проявляется в когнитивном, эмоциональном и поведенческом аспектах и в зависимости от этого различаются нравственная устойчивость, эмоциональная, нервно-психическая устойчивость, транситуативная устойчивость поведения личности [55]. В этом значении понятие устойчивости пересекается со смежным термином «жизнестойкость личности», описывающим её умение справляться с трудными жизненными ситуациями, или способность к

эффективному осуществлению внутренней деятельности переживания по Ф. Е. Василюку. Жизнестойкость личности активно изучается в отечественной и зарубежной экзистенциальной психологии [15].

Второй вариант определения устойчивости в структурном подходе – рассмотрение её как свойства отдельных черт. В современных зарубежных исследованиях наиболее популярной моделью структуры личности является так называемая Большая пятёрка: в ряде работ предпринимаются попытки оценить изменчивость пяти основных черт личности со временем и в различных ситуациях. Так, в исследовании А. Furnham и Н. Cheng было обнаружено, что показатели доброжелательности, добросовестности и экстраверсии значительно увеличиваются в течение шести лет, в то время как уровень нейротизма снижается, а открытость к новому опыту остаётся неизменной по прошествии данного периода времени [74]. Обнаруженные результаты подтверждают идею о том, что различные качества личности могут обладать разной степенью устойчивости, однако один из выводов на основе данного исследования кажется парадоксальным: самой устойчивой характеристикой личности является её открытость новому опыту, подразумевающая изменчивость.

В третьем варианте определения устойчивости, описанном в концепции метачерт W. Strus и J. Cieciuch, стабильность выступает общим фактором, объединяющим такие черты, как добросовестность, доброжелательность и низкий уровень нейротизма [86]. В качестве второй важнейшей метачерты авторы выделяют пластичность, образованную экстраверсией и открытостью новому опыту. В данной концепции стабильность и пластичность (устойчивость и изменчивость) являются ортогональными или независимыми измерениями, с помощью которых можно представить структуру личности.

Главным аргументом критики структурного подхода является исключение из анализа динамических аспектов личности, недоступных фиксации посредством простых измерительных процедур.

Описание интрапсихических процессов в личности, определяемых как динамическое взаимодействие разнонаправленных влечений, впервые обнаруживается в метапсихологической теории З. Фрейда, в связи с чем психоаналитические идеи могут быть оценены как значимые для развития представлений об изменчивости личности [58, 59, 61]. Не менее значительным является вклад К. Левина, разработавшего методологию динамической психологии и утвердившего основной её принцип: динамика внутреннего процесса всегда выводится из взаимодействия личности и ситуации [44].

Динамический подход фокусируется на изменчивости личности со временем и под воздействием ситуационных факторов, что соответствует моделям развития и процессным моделям исследования. Соответственно, недостаточно внимания в этом подходе уделяется стабильным характеристикам личности, которые определяют её целостность и структуру и могут рассматриваться как критерии устойчивости.

В современных исследованиях предпринимаются попытки создания интегративных моделей, комплексного и совместного изучения структуры, процессов и развития личности.

По мнению А. Baumert и соавторов, изучение психологических процессов и механизмов, которые объясняют конкретное поведение в конкретных ситуациях, позволит определить основные паттерны ситуативной и индивидуальной изменчивости, развития во времени, а также структур, обнаруживающихся в исследованиях внутрииндивидуальных и межиндивидуальных различий [72].

J. Sosnowska с коллегами предложили собственную модель личности как динамической системы (Personality Dynamics model), включив в неё три параметра:

1) Основание или базисная линия личности (baseline personality) – стабильная часть, «стержень» личности, вокруг которого колеблются её

изменчивые состояния. Представляет собой усреднённые показатели поведенческих, когнитивных и аффективных проявлений диспозиций личности. Эта часть системы аналогична структуре личности в классических теориях черт.

2) Изменчивость личности (*personality variability*) – мера измерения отклонений от базисной линии, степень колебания (флуктуации) состояний личности в течение времени и в различных ситуациях. Изменения личности, по мнению авторов, происходят вследствие влияния внешних ситуационных факторов или внутренней мотивации.

3) «Сила притяжения» в системе личности, сила аттрактора в личности (*personality attractor force*) – скорость, с которой отклонения в системе сменяются возвращением к её центру, базовой линии, способность к поддержанию баланса в системе, сохранению её устойчивости в условиях постоянных изменений [84, 85].

В вышеупомянутых исследованиях устойчивость и изменчивость – это основные параметры, описывающие личность как динамическую систему. Системный подход в методологии психологии личности, на наш взгляд, является наиболее оптимальным и целесообразным, поскольку разрешает противоречия структурного и динамического подходов и подразумевает изучение личности как целостной открытой системы, характеризующейся одновременно статическими, динамическими и синтетическими свойствами.

Системный подход к анализу личности базируется на следующих важнейших положениях и принципах отечественной психологии:

1) о неразрывности динамического, содержательного и результативного аспектов психической деятельности (А. В. Брушлинский, В. Д. Небылицын, С. Л. Рубинштейн и др.);

2) о единстве личностных и индивидуальных образований субъекта (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, В. С. Мерлин и др.);

3) о системной природе отношений личности (Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, В. Н. Мясищев и др.) [35].

Согласно В. А. Ганзену, анализ системы предполагает дифференцирование её из среды и определение её элементного состава, структуры, функций, интегральных характеристик (свойств), а также системообразующих факторов и взаимосвязей со средой [13].

Критериями устойчивости личности, согласно системному подходу, являются: 1) количество связей между элементами в системе личности; 2) сила этих связей; 3) степень дифференцированности элементов в системе.

Таким образом, планируя исследование любого психологического феномена и в частности феноменов, имеющих отношение к личности, целесообразно опираться на методологию системного подхода, поскольку он позволят учесть как структурные, устойчивые характеристики предмета исследования, так и его вариативность и изменчивость.

Это правило касается и изучения деструктивности как системного качества личности, которое может различным образом соотноситься с параметрами устойчивости и изменчивости. Чтобы сформулировать предположение об особенностях этого соотношения и характере связей в системе личности, определим устойчивость личности вслед за А.Н. Леонтьевым, как степень согласованности смыслообразующих мотивов с определенными поведенческими особенностями и со способами осуществления деятельности [37]. Полагаем, что переживание собственной деструктивности, значимым компонентом которого является личностный смысл деструкции, может оказывать определённое влияние на степень устойчивости личности. Смыслообразующие мотивы могут быть гармонично или дисгармонично согласованы с деструктивным поведением и деструктивной деятельностью, и степень этой согласованности может определяться различными особенностями или компонентами переживания.

Также важно учитывать, что деструктивность личности напрямую связана с нелинейностью её развития, с её динамичностью и разнонаправленной изменчивостью.

Согласно С. Д. Пьянковой, разрушение или исчезновение отдельных системных компонентов способствует качественной структурной перестройке личности [45]. Психопатология является радикальным примером отрицательного влияния этих процессов, поскольку она связана исключительно с внутрисистемной динамикой, с изменением конфигурации ментальных структур в сочетании с деструкцией некоторых элементов. Однако и нормативное развитие, по мнению С. Д. Пьянковой, подчиняется тому же закону: смену фаз развития, по мнению исследовательницы, можно описать как последовательное чередование периодов стабильности и неустойчивости: благодаря деструкции системы и её последующему восстановлению в критических фазах развития происходят качественные изменения структуры личности.

Изменение личности является ключевым понятием для процессуального подхода, являющегося вариацией традиционного динамического подхода к исследованию личности, его трансформацией в соответствии с актуальными тенденциями развития методологии. С точки зрения процессуального подхода изменчивость личности определяется как «становление чем-то другим» и «потенция к иному бытию» [44]. Динамическая организация личности, её процессуальность, в равной степени обуславливает изменчивость и устойчивость, сохранность. В связи с этим, для исследования структурных изменений личности необходимо обратить внимание на «переходные зоны», так называемые точки бифуркации, в которых система переживает критическое, кризисное состояние, но при этом приобретает новые свойства, претерпевает изменения. Точкой бифуркации может послужить переломный момент жизненного пути, пограничная ситуация по К. Ясперсу, в которой личность

переживает экзистенциальный кризис в его ускоренном и интенсифицированном варианте. Именно в эти моменты можно зафиксировать качественные изменения личности. Полагаем, что переживание собственной деструктивности в подобных кризисных ситуациях может играть определённую значимую роль в процессе изменения личности.

Обобщив всё вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что, приступая к исследованию феномена деструктивности с позиций системного и процессуального подходов, необходимо рассматривать это свойство личности в связи с различными параметрами изменчивости и устойчивости. Напомним также, что в концепции С. Н. Шпильрейн деструкция трактуется как процесс трансформации, обуславливающий становление, что ещё раз подтверждает правомерность наших гипотез и их связь с идеей о чередовании во внутренней динамике фаз стабильности и нестабильности, ассимиляции и дифференциации.

ГЛАВА 2. ДИЗАЙН ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

По результатам теоретико-методологического анализа литературы по теме исследования был сделан вывод о необходимости изучения феномена деструктивности в связи с различными параметрами изменчивости и устойчивости личности. С этой целью был разработан дизайн эмпирического исследования, методологическим основанием которого являются процессуальный, системный и феноменологический подходы к исследованию личности. В данной главе представлены цели, задачи, описание выборки эмпирического исследования, а также методы, процедура исследования и методы математико-статистической обработки данных.

2.1. Цель и задачи эмпирического исследования

Целью данного эмпирического исследования является изучение психологических особенностей переживания личностью собственной деструктивности. Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих исследовательских **задач**:

Методические задачи:

1. Разработать программу проведения эмпирического исследования, включая план экспериментального исследования.
2. Разработать интервью для изучения особенностей переживания личностью собственной деструктивности.
3. Подобрать комплекс психодиагностических методик для изучения деструктивности как свойства личности, деструкции как стратегии социального поведения, а также составления личностного профиля и определения степени устойчивости личности.

4. Подобрать статистический инструментарий для математической обработки результатов исследования.

Эмпирические задачи:

1. Описать феноменологию переживания личностью собственной деструктивности.

2. Дифференцировать группы респондентов в зависимости от преобладающих компонентов переживания личностью собственной деструктивности.

3. Проанализировать связь свойств личности (16-факторного личностного профиля по Р. Б. Кеттеллу), деструктивности как свойства личности и деструкции как стратегии социального поведения с особенностями переживания личностью собственной деструктивности.

4. Провести экспериментальное исследование с целью изучения влияния особенностей переживания личностью собственной деструктивности на степень устойчивости личности.

Объектом данного эмпирического исследования является деструктивность личности.

Предмет исследования – особенности переживания личностью собственной деструктивности.

Гипотезы исследования:

1. Феноменология переживания личностью собственной деструктивности может быть описана посредством выявления значимых когнитивных, эмоциональных, поведенческих и психосемантических (смысловых) компонентов переживания, различающихся в зависимости от направленности деструктивности в разных жизненных ситуациях.

2. Выраженность деструктивности как свойства личности и деструкции как стратегии социального поведения значимо связана со

структурой личностного профиля и с особенностями переживания личностью собственной деструктивности.

3. Особенности переживания личностью собственной деструктивности оказывают значимое влияние на степень её устойчивости.

Дизайн эмпирического исследования состоит из двух частей:

1. Первая часть – проведение полуструктурированного интервью и опроса с использованием психодиагностических методик.

2. Вторая часть – эксперимент, включавший два измерения личностных черт с использованием Многофакторного личностного опросника 16PF, экспериментальное задание и психодиагностическую беседу с участниками по фиксированному списку вопросов.

2.2. Описание выборки исследования

В первой части исследования приняли участие 30 человек (средний возраст – $25,5 \pm 5,5$), из которых 24 женщины, 5 мужчин и 1 небинарный человек. Уровень образования большинства респондентов – высшее профессиональное образование (76,7%). 10 из 30 респондентов имеют высшее психологическое образование. Проживают в г. Санкт-Петербурге – 11 человек, в Ростове-на-Дону – 14, в других городах РФ – 5. Основным родом деятельности для 7 респондентов является получение образования, для 14 – трудовая деятельность, для 9 – совмещение учебной и профессиональной деятельности. Большинство респондентов выборки не состоят в гражданском браке и не имеют детей. Сбор данных осуществлялся в течение 2021 года, метод подбора – произвольная выборка.

В экспериментальной части исследования также приняли участие 30 человек, из которых 24 женщины, 5 мужчин и 1 небинарный человек, средний возраст – $23 \pm 1,9$. Уровень образования большинства респондентов – высшее профессиональное образование (93,3%). 8 из 30 респондентов имеют высшее

психологическое образование. Все участники исследования проживают в г. Санкт-Петербурге. Основным родом деятельности для 9 респондентов является получение образования, для 5 – трудовая деятельность, для 16 – совмещение учебной и профессиональной деятельности. 8 респондентов из 30 состоят в браке или сожительствуют, все участники выборки не имеют детей. Сбор данных осуществлялся в начале 2022 года, метод подбора – произвольная выборка.

2.3. Методы исследования

В исследовании были использованы три основных метода – полуструктурированное интервью, опрос с использованием психодиагностических методик и эксперимент.

2.3.1. Полуструктурированное интервью

Авторское полуструктурированное интервью было разработано с целью выявления понимания и описания респондентами феномена деструктивности на примере различных жизненных ситуаций. Интервью включает 18 вопросов и состоит из трёх тематических блоков:

1) Определение респондентом понятия «деструктивность», перечисление ассоциаций с этим словом, самооценка респондентом степени выраженности собственной деструктивности и аутодеструктивности по 10-балльной шкале. Этот раздел интервью включает такие вопросы, как:

- Знакомо ли вам слово «деструктивность»? Что Вы под ним понимаете?
- С чем у Вас ассоциируется слово «деструктивность»?
- Считаете ли Вы, что Вам присуще такое качество, как деструктивность? Насколько, от 0 до 10, Вы бы оценили выраженность у себя этого качества?

2) Второй раздел интервью включает описание респондентами конкретных жизненных ситуаций, в которых проявлялась их деструктивность. Вначале респонденту предлагалось в свободной форме описать первую вспомнившуюся жизненную ситуацию. Начальный этап интервью соответствует примеру из исследования О. Н. Боголюбовой «Переживание стыда: качественный анализ нарративов», в котором формат интервью предполагал свободный выбор респондентом эпизода для рассказа, соответствующего его собственному пониманию феномена стыда [7].

Затем вопросы интервью структурировались в зависимости от направленности деструктивности в различных ситуациях: респондентам предлагалось вспомнить жизненные ситуации, в которых их деструктивность была направлена на другого человека, на самого себя и на материальные объекты. Описание респондентом каждой ситуации сопровождалось вопросами о пяти аспектах: мыслях, чувствах, действиях, возникавших в этой ситуации, а также о личностном смысле ситуации (её «значение для меня») и её позитивном значении в контексте всей жизни. Далее приведены примеры вопросов из второго раздела интервью:

- Попробуйте описать себя в этой ситуации. Что конкретно Вы делали? Что Вы чувствовали? Какие мысли возникали у Вас в тот момент?
- Как Вы сегодня оцениваете эту ситуацию? Что эта ситуация значит для Вас сейчас?
- Способствовала ли эта ситуация каким-то позитивным изменениям в Вашей жизни?

3) Заключительная часть интервью включала резюмирующие вопросы о роли деструктивности в жизни респондента и просьбу сформулировать собственное определение этого феномена, как присущего респонденту качества:

- Как бы Вы в целом оценили роль деструктивности в Вашей жизни? Какое значение она имеет в контексте всей Вашей жизни?

- Могли бы Вы сейчас сформулировать какое-то новое определение этого явления, начав со слов «Моя деструктивность – это...» или «Моя разрушительность проявляется в том, что...».

Завершалось интервью вопросом об интерпретации респондентом трёх цитат, описывающих феномен деструктивности (использовались цитаты Э. Фромма, Ф. Ницше и В. Пелевина):

- Перед Вами несколько цитат, связанных по смыслу с этим психологическим феноменом. Как бы Вы объяснили каждую из них? Какая из них Вам ближе?

2.3.2. Психодиагностические методики

В эмпирической части исследования были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Многофакторный личностный опросник 16PF

Опросник разработан Р. Б. Кеттеллом для выявления относительно независимых факторов (шкал, первичных черт) личности. Опросник разрабатывался и дополнялся с 1949 по 1970 гг. с опорой на теорию черт Г. Олпорта и с использованием факторного анализа. Русскоязычный вариант опросника был разработан В. И. Похилько, А. С. Соловейчиком, А. Г. Шмелевым. В двух частях нашего исследования проводился опрос по форме «С» Многофакторного личностного опросника (105 вопросов), включающей тестовые задания, оценки и вопросы, выявляющие отношение к какому-либо явлению [29].

Опрос проводился с целью измерения 16-факторной модели структуры личности, включающей такие черты, как общительность, смелость, доминантность, подозрительность, дипломатичность, самостоятельность (коммуникативные свойства); интеллектуальность, мечтательность, восприимчивость к новому (интеллектуальные свойства); эмоциональная устойчивость, беспечность, эмоциональная чувствительность, тревожность,

напряженность (эмоциональные свойства); самодисциплина, моральная нормативность (регуляторные свойства), а также самооценку. Подсчёт данных осуществлялся в соответствии с ключом и с использованием программы Excel.

Измерение параметров личностного профиля производилось для дальнейшего соотнесения полученных данных с результатами контент-анализа интервью и обработки двух других методик. Кроме того, опросник использовался в экспериментальной части исследования для оценки параметра «устойчивость-изменчивость личности» на основании двух измерений по опроснику – до и после экспериментального воздействия.

2. *Методика «Жизненные ситуации» К. В. Злоказова*

Методика направлена на определение степени выраженности различных стратегий социального поведения: деструктивной, конструктивной, реконструктивной и избегающей. Кроме того, данный инструмент позволяет дифференцировать области социальных отношений, в которых проявляется та или иная стратегия: каждой стратегии соответствуют шкалы интрасубъектного, интересубъектного и метасубъектного поведения. Всего в методику К. В. Злоказова включены 12 шкал: измеряются параметры интрасубъектных, интересубъектных и метасубъектных деструкции, конструкции, реконструкции и избегания.

Показатели валидности и надёжности методики свидетельствуют о её пригодности для исследования деструктивных тенденций у мужчин и женщин в возрасте от 12 до 60 лет [21]. В нашем исследовании методика К. В. Злоказова использовалась для оценки степени выраженности деструкции как стратегии социального поведения. Обработка данных производилась в программе Excel в соответствии с ключом.

3. *Методика «Я-структурный тест Аммона» (ISTA)*

Я-структурный тест был разработан немецким психоаналитиком Г. Аммоном в 1997 году и использовалась в клинике для диагностики пациентов

с психическими нарушениями. В России методика была адаптирована НИПНИ им. Бехтерева Ю. А. Тупицыным и его сотрудниками. Рестандартизированная русскоязычная версия теста может использоваться для опроса людей без психиатрического диагноза.

Методика направлена на изучение шести основных Я-функций: Агрессия, Тревога, Внешнее отграничение Я, Внутреннее отграничение Я, Нарциссизм и Сексуальность, каждая из которых может иметь три формы проявления - конструктивную, деструктивную и дефицитарную [28]. Всего тест содержит 18 шкал, однако в нашем исследовании при сборе, обработке и интерпретации данных использовались только шкалы, измеряющие деструктивные Я-функции. Суммарный показатель по совокупности этих шкал позволяет оценить степень выраженности деструктивности личности.

Определения деструктивных Я-функций были рассмотрены в теоретической части исследования (глава 1, подпункт 1.1.5).

Расчёт показателей шкал в соответствии с ключом производился в программе Excel.

2.3.3. Описание эксперимента

Экспериментальное исследование включало в себя четыре этапа: опрос по методике «Многофакторный личностный опросник 16PF», выполнение испытуемым экспериментальной задачи, беседа с ним по фиксированному списку вопросов и повторный опрос по методике.

Дизайн эксперимента предполагал сбор данных в трёх группах: одной экспериментальной и двух контрольных. В качестве независимой переменной, варьируемой в трёх группах испытуемых посредством модификаций экспериментальной задачи, выступали особенности переживания личностью собственной деструктивности. В качестве зависимой переменной рассматривался параметр «устойчивость-изменчивость личности»,

оцениваемый по результатам двух одинаковых измерений личностного профиля с использованием опросника.

Стимульным материалом, используемым в экспериментальной задаче, послужили два предмета – «картонный домик» и «бумажный домик», приблизительно одинаковые по размеру и цветовой гамме (рис. 1).

Рисунок 1. Стимульный материал экспериментальной части исследования

Оба предмета созданы (собраны, сконструированы) человеком, «своими руками», но в силу различия материала в случае картонного «домика»-конструктора возможно обратимое разрушение, а в случае бумажного «домика» разрушение неизбежно будет необратимым. Это различие стимульного материала учитывалось при модификации инструкции для экспериментальной группы испытуемых, задача которой предполагала выбор между предметами.

Две контрольные группы необходимы для проверки влияния на степень устойчивости личности особенностей переживания личностью собственной деструктивности, связанных с совершением испытуемым выбора и с его идентификацией со стимулом посредством предварительных вопросов.

В контрольных группах экспериментальная задача была модифицирована до простого механического разрушения предмета, обусловленного, по нашим предположениям, в первую очередь характеристиками стимулов. Согласно гипотезе исследования, при таком варианте инструкции переживания деструктивности характеризуются меньшей интенсивностью, эмоциональной и смысловой насыщенностью, не сопровождаются приписыванием личностью особого значения своему деструктивному действию и связыванием его с контекстом личных отношений.

2.4. Процедура исследования

2.4.1. Процедура первой части исследования

Первая часть эмпирического исследования проводилась преимущественно в формате очной беседы с респондентами по вопросам полуструктурированного интервью. Несколько интервью были проведены в онлайн-формате с использованием платформы «Zoom». В начале беседы респонденты были проинформированы о принципах анонимности и конфиденциальности, соблюдаемых при сборе данных. Интервью записывались на диктофон с последующей расшифровкой и категоризацией. В среднем каждое интервью длилось около 60 минут.

Для опроса респондентов по методикам использовался онлайн-сервис «Google forms». Форма включала вопросы анкеты о социально-демографических данных участника, а также вопросы трёх психодиагностических методик. Средняя длительность заполнения формы – 40 минут. Опрос проводился после беседы по вопросам интервью.

2.4.2. Процедура второй части исследования

Экспериментальный этап исследования проводился в очном формате на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета по адресу наб. Макарова 6, в аудитории №216.

Опрос по методике также проводился с использованием сервиса «Google forms»: первая анкета содержала вопросы о социально-демографических данных участника и текст Многофакторного личностного опросника, вторая форма для повторного измерения личностных черт – только текст опросника. Экспериментальная задача, включающая психодиагностическую беседу, записывалась на диктофон с последующей расшифровкой и категоризацией ответов. Опрос испытуемых не являлся анонимным, однако участники были проинформированы о том, что все данные используются в исследовании только в обезличенном виде, и дали письменное согласие на обработку данных. Участие в эксперименте было индивидуальным и добровольным. Длительность эксперимента в среднем составила 50 минут.

Сценарий эксперимента для экспериментальной группы:

1. Опрос с помощью Многофакторного личностного опросника 16PF – первое измерение личностных черт.
2. Предъявление стимульного материала и экспериментальной задачи: разрушить один из объектов на выбор. *Инструкция:* «Перед Вами два домика. С чем у Вас ассоциируется каждый из них? Связано ли это с какими-то ситуациями из Вашей жизни? Представьте, что в каждом из этих домиков находитесь Вы или Ваш близкий человек. Теперь Вам необходимо любым способом разрушить один из домиков на выбор».
3. Беседа с участником по фиксированному перечню вопросов: «Почему Вы выбрали именно этот домик?», «Кого Вы представили в этом домике?», «Какие ассоциации у Вас вызвало разрушение домика?», «Какие чувства и мысли возникли у Вас?», «Напомнила ли эта ситуация какие-то

эпизоды из Вашей жизни?», «Почему Вы разрушили домик именно таким способом?».

4. Повторное измерение личностных черт с помощью Многофакторного личностного опросника.

Сценарий эксперимента для двух контрольных групп:

1. Опрос с помощью Многофакторного личностного опросника 16PF – первое измерение личностных черт.

2. Предъявление стимульного материала и экспериментальной задачи: разрушить только картонный или только бумажный «домик». *Инструкция:* «Перед Вами два домика, Вам необходимо любым способом разрушить только этот домик».

3. Беседа с участником по фиксированному перечню вопросов: «Какие ассоциации у Вас вызвало разрушение домика?», «Какие чувства и мысли возникли у Вас?», «Напомнила ли эта ситуация какие-то эпизоды из Вашей жизни?», «Почему Вы разрушили домик именно таким способом?».

4. Повторное измерение личностных черт с помощью Многофакторного личностного опросника.

2.5. Математико-статистические методы обработки данных

2.5.1. Методы обработки данных полуструктурированного интервью

Контент-анализ данных полуструктурированного интервью осуществлялся последовательно двумя методами: тематическим анализом и анализом на уровне значимых концептов.

1) Тематический анализ включал преимущественно дедуктивное, или «направленное теорией» (theory-driven) кодирование, при котором данные кодируются по уже заранее готовой категориальной схеме, составленной по итогам анализа научной литературы или предшествующих исследований по интересующей проблеме [64]. Соответствие содержания ответов респондента

выделенным категориям кодировалось цифрой «1», отсутствие данной категории в ответе помечалось цифрой «0».

Последующее объединение кодов в темы позволило выделить следующие ключевые пункты:

- а. Определение понятия «деструктивность»;
- б. Ассоциации со словом «деструктивность»;
- в. Направленность деструктивности на другого, на себя или на материальные объекты;
- г. Типичные ситуации, в которых проявляется деструктивность, дифференцированные в зависимости от направленности;
- д. Чувства, мысли и действия, сопровождающие деструктивную активность;
- е. Значение, личностный смысл деструктивности в той или иной жизненной ситуации;
- ж. Её роль и значимость в контексте всей жизни;
- з. Определение собственной деструктивности («Моя деструктивность – это...»/«Моя деструктивность проявляется в том, что...»)

2) Анализ на уровне значимых концептов по методике тематической сетки (Hsieh, H.-F., Shannon, S. E., 2005) использовался для обнаружения семантических связей в системе языка таких концептов, как «деструктивность», «деструкция», «деструктивный» и «разрушать» [77].

Анализ проводился путём компьютерного поиска семантических связей в авторитетном идеографическом словаре Roget's 21st Century Thesaurus [83]. К сожалению, для русского языка подобный тезаурус пока еще не создан, поэтому в работе использовались переводные эквиваленты соответствующих лексических единиц:

а) **Деструктивность** (Энциклопедический словарь по психологии и педагогике, 2013) – разрушение, исходящее от человека и направленное вовне, на внешние объекты или во внутрь, на самого себя.

destructiveness (Cambridge Dictionary) – the fact of causing damage or the ability to cause damage.

б) **Деструкция** (Словарь иностранных слов. – Комлев Н.Г., 2006) (лат. destructio) – разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо [33].

destruction (Macmillan Online Dictionary) – damage that is so severe that something stops existing or can never return to its normal state.

Согласно идеографическому словарю Roget's 21st Century Thesaurus, семантические поля концептов destructiveness/деструктивность, destruction/разрушение, деструкция, destructive/деструктивный и destroy/разрушать обнаруживают семантические связи со следующими понятиями:

destructiveness (**разрушительность**) – aggression/агрессия, violence/насилие, fatality/несчастный случай.

destruction [n] (**разрушение**) – demolition/снос (здания), devastation/опустошение, abolishing/abolition/отмена, annihilation/уничтожение, bane/проклятие, carnage/резня, crashing/авария, disintegrating/распад, disrupting/срыв, разрыв, dissolving/растворение, downfall/падение, elimination/устранение, end/конец, eradication/истребление, extermination/уничтожение, extinction/вымирание, extirpation/искоренение, havoc/разгром, invalidating, invalidation/аннулирование, liquidation/ликвидация, loss/потеря, massacre/резня, бойня, murder/убийство, overthrow/переворот, свержение, ravaging/разрушение, опустошение, ruin/гибель, крушение, ruination/гибель, разорение, subjugation/покорение, подчинение, subversion/свержение, subverting/подрыв, undoing/отмена, wreckage/обломки, wrecking/гибель, крах.

Ant. building/здание, construction/строительство, конструкция, creation/создание, творение, improvement/улучшение, reparation/компенсация, restoration/восстановление.

destructive [adj1] (разрушительный) – injurious/вредный, губительный, devastating/ужасающий, baleful/злобный, мрачный, baneful/пагубный, губительный, calamitous/бедственный, пагубный, cataclysmic, catastrophic/катастрофический, cutthroat/беспощадный, damaging/наносащий ущерб, deadly/смертельный, deleterious/вредный, detrimental/причиняющий ущерб, dire/ужасный, disastrous/ужасный, evil/злой, fatal/смертельный, роковой, harmful/вредный, hurtful/обидный, ранящий, internecine/взаиморазрушительный, lethal/смертельный, летальный, lethiferous/смертоносный, mortal/смертный, noisome/вредный, noxious/ядовитый, вредный, pernicious/пагубный, вредный, pestilential/пагубный, ruinous/губительный, suicidal/суицидальный, toxic/токсичный, ядовитый, venomous/ядовитый, злобный.

Ant.: aiding, assisting/помогающий, building/строащий, creative/создающий, helpful/полезный, productive/продуктивный

destructive [adj2] (разрушительный) hurtful/обидный, ранящий, disparaging/уничижительный, abrasive/грубый, adverse/неблагоприятный, antagonistic/враждебный, cankerous/разъедающий, caustic/язвительный, contrary/противоположный, corrosive/коррозионный, разъедающий, deleterious/вредный, derogatory/ уничижительный, пренебрежительный, detrimental/причиняющий ущерб, hostile/враждебный, injurious/вредный, губительный, negative/негативный, offensive/оскорбительный, обидный, opposed/противоположный, troublesome/причиняющий беспокойство, vicious/жестокий, злой;

Ant.: encouraging/обнадёживающий, hopeful/полезный, positive/позитивный

destroy [v] (**разрушать**) demolish/сносить, devastate/опустошить, abort/срывать, annihilate/уничтожать, истреблять, annul/отменять, axe/резать, blot out/стирать, break down/выламывать, ломать, butcher/забивать, consume/поглощать, потреблять, crush/крушить, damage/вредить, повреждать, deface/искажать, уродовать, desolate/разорять, despoil/грабить, dismantle/разбирать, end/заканчивать, eradicate/искоренять, erase/стирать, kill/убить, убивать, level/сравнивать (с землёй), liquidate/ликвидировать, maim/калечить, mar/портить, mutilate/увечить, изувечить, nullify/сводить к нулю, аннулировать, overturn/опрокидывать, quell/подавлять, ruin/губить, slay/умерщвлять, suppress/подавлять, swallow up/поглощать, tear down/срывать, total/подводить итог, waste/тратить, растрачивать, wreck/разбивать, zap/ударить со всей силы;

Ant.: build/строить, construct/конструировать, create/создавать, творить, improve/улучшать, repair/чинить, исправлять, restore/возвращать, восстанавливать.

Контент-анализ на уровне значимых концептов включал поиск вышеперечисленных понятий в ответах респондентов и формирование семантической сетки понятий, обнаруженных в исследовании.

Данные, полученные с помощью контент-анализа ответов респондентов на вопросы интервью и представленные в виде количественных шкал, далее обрабатывались посредством факторного анализа методом главных компонент с применением Varimax вращения. Для дифференцирования групп респондентов по выявленным факторам использовался кластерный анализ по методу k-средних.

2.5.2. Методы обработки данных психодиагностических методик

Для обработки данных, полученных по опросу с использованием психодиагностических методик, применялись методы описательной статистики (расчёт среднего, медианы, стандартного отклонения, асимметрии и эксцесса),

корреляционный анализ (расчёт коэффициента корреляции r -Спирмена) и линейный регрессионный анализ с пошаговым включением.

Для сравнительного анализа значений переменных в группах респондентов использовался критерий Краскала-Уоллиса.

2.5.3. Методы обработки данных эксперимента

Для сравнения средних значений по двум измерениям личностного профиля респондентов использовался однофакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями и сравнительный анализ по критерию Т-Вилкоксона.

Для измерения переменной «устойчивость личности», параметрами которой являются сила, количество и пространственная организация связей в структуре личности, использовался корреляционный анализ (расчёт коэффициента корреляции r -Спирмена).

Математико-статистическая обработка данных производилась в программах Excel и SPSS Statistics 23.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

В главе представлены результаты контент-анализа данных полуструктурированного интервью, а именно тематический и частотный анализ компонентов переживания личностью собственной деструктивности в различных жизненных ситуациях, сопровождаемый лингвистическим анализом ответов респондентов на уровне значимых концептов. Также представлен описательный анализ данных, полученных с помощью психодиагностических методик.

Обсуждаются результаты факторного, кластерного, сравнительного и регрессионного анализа, использованных для проверки гипотезы о наличии связи между особенностями переживания личностью собственной деструктивности, элементами структуры личности, степенью выраженности деструктивности как свойства личности и деструкции как стратегии социального поведения.

Кроме того, в данной главе описаны результаты экспериментального исследования влияния особенностей переживания собственной деструктивности на устойчивость личности.

3.1. Феноменология переживания личностью собственной деструктивности (контент-анализ данных исследовательского интервью)

Контент-анализ данных полуструктурированного интервью был выполнен двумя методами – тематического анализа и анализа на уровне значимых концептов.

3.1.1. Результаты контент-анализа на уровне значимых концептов

В ходе построения тематической сетки были обнаружены семантические связи концептов «деструктивность», «деструкция», «деструктивный» и «разрушать» в системе языка. Был осуществлён поиск соответствующих

лексических единиц в ответах респондентов и сформирована сетка понятий, обнаруженных в интервью. Данные исследования значимых концептов представлены на рисунке 2.

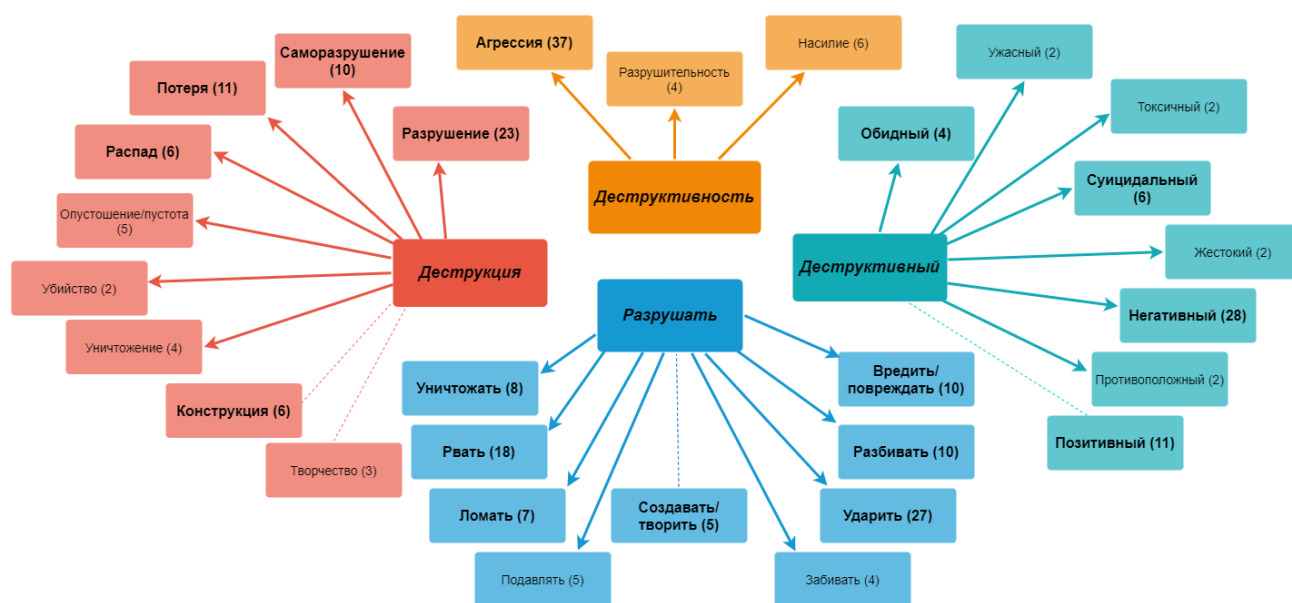

Рисунок 2. Результаты контент-анализа данных полуструктурированного интервью по методу тематической сетки (анализа на уровне значимых концептов).

В ответах респондентов обнаружено большое количество слов, связанных с понятиями «деструкция» и «разрушать». При этом наблюдается особое разнообразие глагольных форм, связанных со словом «разрушать»: уничтожать (8), рвать (18), ломать (7), вредить (10), разбивать (10), ударять (27) и др. Можно сделать вывод, что деструктивность в представлениях респондентов ассоциируется преимущественно с конкретными поведенческими проявлениями и как свойство личности она может быть связана в первую очередь с процессуально-динамическими аспектами.

Наиболее часто в речи респондентов употребляются существительное «агрессия» (37) и прилагательное «негативный» (28), однако эти концепты не используются как составляющие определения понятия «деструктивность» и практически не употребляются в качестве синонимов данного термина. Слово

«агрессия» чаще всего применяется для обозначения чувства, возникающего в ситуации проявления разрушительности, наряду со злостью, гневом, ненавистью, т.е. агрессия выступает лишь одним из компонентов деструктивного опыта. Этот результат подтверждает теоретическое положение о том, что понятия агрессии и деструкции не являются тождественными [2, 25, 62].

Концепт «негативный» также чаще всего используется в ответах респондентов для обозначения смысловых и эмоциональных составляющих переживания деструктивных ситуаций: «негативный пример», «негативный опыт», «негативные эмоции». Однако в данном контексте достаточно часто употребляется и его синоним – слово «позитивный» (11), и кроме того, дважды в ответах участников исследования встречается нейтральный по смыслу концепт «противоположный». Обозначенные категории применяются для оценки и интерпретации собственного деструктивного опыта и, согласно полученным данным, имеют место разнообразные и неоднозначные варианты осмысления респондентами феномена деструктивности.

Этот тезис также подтверждается связностью «деструкции» с принципиально различными по смыслу концептами. С одной стороны, обнаруживаются связи с темой насилия (6), которая выражается словами «убийство» (2), «уничтожение» (2), «жестокий» (2) и др. С другой стороны, гораздо чаще в интервью встречаются концепты, соответствующие теме утраты: потеря (11), пустота или опустошение (5). Оба аспекта касаются травматического опыта, однако содержание переживаний в двух случаях значительно различается. Деструкция, согласно интерпретации наших респондентов, – это разрушение, жертвами которого могут являться Я или другой (аналогично ситуации насилия), и в то же время это разрушение, которое приводит к утрате, потере чего-то целостного (например, значимых отношений, которые можно «разрушить»).

Кроме того, данные контент-анализа на уровне значимых концептов показывают различные варианты направленности разрушительной активности и многовекторность деструктивности в представлениях респондентов: «деструкция» связана одновременно и с разрушением (23), и саморазрушением (10), концепт «деструктивный» ассоциирован со словами «обидный» (4), «жестокий» (2), и при этом со словом «суицидальный» (6). Интересно также то, что прилагательное «деструктивный» связано со словом «токсичный» (2), относительно недавно вошедшим в обиход русскоговорящих людей.

Далее мы ещё раз остановимся подробнее на тех результатах анализа элементов семантической сетки, которые соотносятся с выводами, полученными в ходе тематического контент-анализа.

3.1.2. Результаты тематического контент-анализа

3.1.2.1 Категории определения понятия «деструктивность»

Первый блок вопросов полуструктурированного интервью направлен на проверку понимания респондентами термина «деструктивность», формулирование ими самостоятельных определений данного понятия с опорой на собственные представления, ассоциации и личный опыт, самооценку респондентами степени выраженности собственной деструктивности и аутодеструктивности.

86,7% (n=30) респондентов подтвердили, что слово «деструктивность» им знакомо, оставшимся 13,3% было предложено сформулировать определение аналогичного понятия «разрушительность» (как свойства человека, личности), т.е. в случае непонимания значения исходного термина использовался его дословный перевод на русский язык.

Тематический анализ данных интервью позволил обобщить определения, сформулированные респондентами, в четыре основные категории (рис. 3).

Рисунок 3. Частотный анализ категорий определений понятия «деструктивность», сформулированных респондентами

В 40% ответов деструктивность определяется как процесс разрушения или реже нарушения. В равном количестве ответов (23% и 23%) этот феномен рассматривается как характеристика поведения (разрушающее и саморазрушающее, девиантное, противозаконное поведение) и как структурная характеристика личности (свойство, особенность, черта). Реже всего (15%) деструктивность определяется как мотивационная характеристика – тенденция, стремление или направленность.

Выявленные категории согласуются с теоретическими представлениями об исследуемом феномене: деструкция как психодинамический процесс рассматривается в классическом психоанализе, а деструктивность как устойчивая черта личности или паттерн поведения изучается в рамках диспозициональной парадигмы. К этим двум подходам можно отнести большинство отечественных и зарубежных исследований, рассмотренных нами в первой главе. Меньшей популярностью среди исследователей пользуются

трактовки феномена деструктивности в рамках теорий мотивации: в частности, не получила особого развития концепция агрессивного влечения А. Адлера, связывавшего этот феномен со стремлением к власти и превосходству.

При выстраивании ассоциативного ряда 53,3% респондентов (n=30) связывают слово «деструктивность» в первую очередь с разрушением (кого-либо или чего-либо), а оставшиеся 46,7% – с саморазрушением. Анализ на уровне значимых концептов также подтвердил более высокую частоту встречаемости лексической единицы «разрушение» (или «разрушительность») по сравнению со словом «саморазрушение» в текстах ответов респондентов (см. рисунок 2).

При этом понятие «деструктивность» в равной степени ассоциировано как с физическим, так и с нефизическим разрушением и саморазрушением (9,5% и 9,5% ответов соответственно).

В 11,9% ответов деструктивность ассоциируется с абстрактными образами: темнота, пустота, взрыв, огонь, угнетение, распад, исчезновение. Схожие результаты получены при анализе семантической сетки: слово «деструкция» связывается с такими значимыми концептами, как «распад», «опустошение/пустота», «потеря» и «уничтожение» (см. рисунок 2).

Результаты самооценки респондентами степени выраженности собственной деструктивности и аутодеструктивности представлены в виде двух измерений по 10-балльным шкалам в таблице 1.

Таблица 1. Показатели самооценки степени выраженности деструктивности и аутодеструктивности у респондентов выборки (данные полуструктурированного интервью)

Переменная	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс
Самооценка деструктивности	5	5	1,79	-0,101	-0,188

Самооценка аутодеструктивности	5,55	5,75	2,27	0,143	-0,257

Данные описательного анализа показывают, что респонденты выборки оценивают степень выраженности собственной деструктивности, преимущественно средними значениями ($5 \pm 1,79$). При этом средняя самооценка степени выраженности аутодеструктивности выше ($5,55 \pm 2,27$). Распределение переменных соответствует нормальному ($p > 0,05$ по критерию Колмогорова-Смирнова и значения асимметрии и эксцесса от -1 до 1).

3.1.2.2 Категории типичных жизненных ситуаций проявления деструктивности

Второй блок вопросов интервью направлен на выявление и описание типичных жизненных ситуаций, в которых респонденты проявляют деструктивность, а также на обнаружение и дифференцирование компонентов переживания личностью подобных ситуаций: мыслей, чувств, действий, смыслов, приписываемых собственной деструктивности. Поскольку тематический анализ данных интервью осуществлялся с преимущественным использованием направленного теорией (theory-driven) кодирования.

Типичные жизненные ситуации, в которых респонденты проявляют деструктивность, были сгруппированы в зависимости от направленности деструктивности: 1) на другого человека, 2) на самого себя или 3) на материальные объекты. Результаты представлены на рисунке 4.

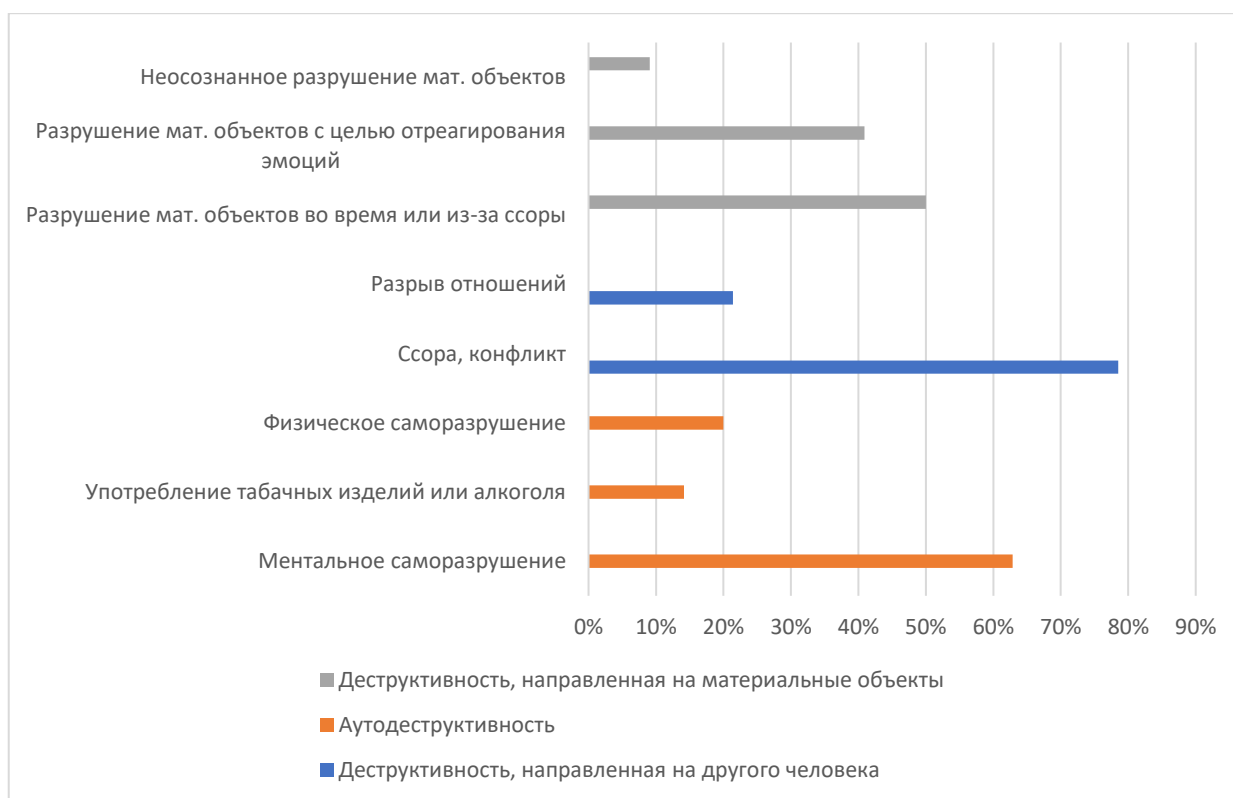

Рисунок 4. Частотный анализ категорий жизненных ситуаций, в которых проявляется деструктивность личности (результаты тематического контент-анализа)

Две трети респондентов (66,7%, n=30), отвечая на просьбу рассказать любой эпизод из жизни, связанный с проявлением деструктивности, в первую очередь вспоминали о жизненных ситуациях, в которых их деструктивность была направлена на себя. На рисунке 4 можно увидеть, что такие ситуации определяются чаще всего (62,9% ответов) как нефизическое или ментальное саморазрушение: «самокритика», «самокопание», «самобичевание». В 14% ответов представлены ситуации употребления табачных изделий или алкоголя, а также приступы расстройств пищевого поведения. В 20% случаев «аутодеструктивная» жизненная ситуация описывается как непосредственное физическое саморазрушение – самоповреждающее поведение или «селфхарм».

Жизненная ситуация, в которой деструктивность направляется субъектом на другого человека, определяется респондентами чаще всего (78,5%) как ссора

или конфликт в значимых близких отношениях, реже (21,4%) – как расставание, разрушение или разрыв отношений (рис. 4).

Деструктивность по отношению к материальным объектам, согласно ответам респондентов, проявляется в трёх типах жизненных ситуаций (рис. 4):

1) Сознательное разрушение материальных объектов во время ссоры/конфликта или по причине ссоры/конфликта, т.е. в связи с контекстом межличностных отношений (50%);

2) Сознательное разрушение материальных объектов с целью отреагирования негативных эмоций, снятия напряжения (41%);

3) Неосознанное и случайное разрушение материальных объектов в быту (9%).

3.1.2.3 Категории переживания собственной деструктивности

Вне зависимости от направленности деструктивности, все ответы респондентов сопровождалось описанием мыслей, эмоций, чувств и действий, что позволило нам выделить и систематизировать значимые когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты переживания собственной деструктивности в различных жизненных ситуациях (табл. 2).

Таблица 2. Частотный анализ компонентов переживания личностью собственной деструктивности (результаты построения таблиц сопряжённости)

Компоненты переживания		Направленность деструктивности в ситуации			Всего ответов	Хи-квадрат	R Спирмена
		На другого	На себя	На мат. объекты			
Мысли	Целевые характеристики	60,6%	21,2%	18,2%	33	17,512**	-0,395**
	Оценки ситуации	33,9%	42,9%	23,2%	56	8,6*	-0,168

Чувства	Социальные	50%	38,5%	11,5%	26	8,5*	-0,3**
	Интрасубъектные	30%	44%	26%	50	6,03*	-0,55
	Интерсубъектные	39,6%	35,8%	24,5%	53	4,77	-0,22*
Эмоции	Отрицательные	35,6%	42,4%	22%	59	11,02**	-0,23*
	И положительные, и отрицательные	46,2%	23,1%	30,8%	13	1,26	-0,08
	Положительные	0	0	100%	3	6,2*	0,23*
Действия	Пассивные	34,8%	65,2%	0	23	19,74**	-0,25*
	Вербальные	100%	0	0	17	41,9**	-0,59**
	Активные	22,9%	35,4%	41,7%	48	5,62	0,25*

Примечание: * отмечены результаты, имеющие статистическую значимость на уровне $p \leq 0,05$;
 ** отмечены результаты, имеющие статистическую значимость на уровне $p \leq 0,01$

На основе частотного анализа с использованием таблиц сопряженности можно сделать вывод о наличии связи между направленностью деструктивности в жизненных ситуациях и особенностями переживания собственной деструктивности ($p \leq 0,05$).

Мысли о целевых характеристиках собственных действий («Я хочу обидеть, отомстить, разрушить другого») в большей мере характерны для переживания ситуации проявления деструктивности по отношению к другому человеку (60,6%), в то время как мыслительные оценки ситуации («То, что происходит – плохо, обидно, неправильно, несправедливо») чаще сопровождают проявления аутодеструктивности (42,9%).

Интерсубъектные, т.е. направленные на другого, чувства (например, злость или обида) связаны с деструктивной активностью в отношении другого (39,6%). Деструктивность, направляемая человеком на самого себя, чаще сопровождается Интрасубъектными чувствами или характеристиками самочувствия – дискомфортом, грустью, болью (44%).

При этом более амбивалентное эмоциональное наполнение переживаний характерно для ситуаций, в которых деструктивность направляется вовне:

разрушение другого в два раза чаще сопровождается одновременно и положительными, и отрицательными эмоциями (46,2%), по сравнению с разрушением себя (23,1%). Также для ситуаций разрушения другого в большей мере характерно переживание социальных чувств – стыда, вины, жалости (50%), в отличие от ситуаций саморазрушения (38,5%). Полученные данные согласуются с положениями психоаналитической теории о том, что аутодеструктивность и мазохизм формируются в результате подавляющего воздействия Сверх-Я, которое подвергает деструктивный импульс, направленный на другого, цензуре посредством вины и стыда [51, 59]. Согласно этой логике, саморазрушение может переживаться как более приемлемое с точки зрения социума, более допустимое с позиции норм морали. В нашем исследовании данный тезис подтверждается также тем, что большинство респондентов в первую очередь рассказывали о тех ситуациях, в которых они проявляли деструктивность по отношению к себе, и кроме того, оценивали степень выраженности своей аутодеструктивности выше среднего и выше уровня деструктивности. Предполагаем, что собственная деструктивность по отношению к другому человеку активнее подвергается цензуре или вытеснению, и обсуждение этой темы в интервью может вызывать большее сопротивление.

Вербальные действия – крики, оскорбления, обидные слова характеризуют только ситуации проявления деструктивности в отношении другого (100%). Аутодеструктивность респондентов проявляется как в пассивных действиях («думал», «злился на себя», «лежала и плакала»), так и в активных (например, самоповреждение или употребление алкоголя): 65,2% и 35,4% ответов.

Согласно результатам частотного анализа, разрушение материальных объектов переживается в связи с контекстом отношений со значимым другим и сопровождается интересубъектными чувствами (24,5%). Однако также имеют

место интрасубъектные чувства (26%), связанные с дискомфортом или дистрессом. При этом разрушение материальных объектов, в отличие от других типов жизненных ситуаций, часто сопровождается однозначно положительными эмоциями (100%). Этот факт можно объяснить тем, что целенаправленное и осознанное разрушение материальных объектов может служить конструктивным способом разрядки эмоционального напряжения и отреагирования негативных эмоций, как в ситуациях межличностных конфликтов, так и в случае переживания субъективного дискомфорта.

В отдельном рассмотрении нуждается психосемантический компонент переживания личностью собственной деструктивности, т.е. личностный смысл, который приписывает человек своим проявлениям деструктивности в различных жизненных ситуациях. Поскольку личностный смысл рассматривается в литературе как качественно определённое отношение личности к событиям жизни, обобщённые нами категории психосемантического компонента переживания соответствуют различным вариантам качественной интерпретации личностью собственного опыта [38]. В таблице 3 и на рисунке 5 представлен частотный анализ категорий психосемантического компонента переживания личностью собственной деструктивности для трёх типов жизненных ситуаций.

Таблица 3. Частотный анализ психосемантических компонентов переживания личностью собственной деструктивности (результаты построения таблиц сопряжённости)

Компоненты переживания	Направленность деструктивности в ситуации			Всего ответов	Хи-квадрат	R Спирмена
	На другого	На себя	На мат. объекты			

Личностный смысл	Положительный опыт	50%	27,8%	22,2%	18	2,9	-0,17
	Неоднозначный опыт	53,3%	26,7%	20%	15	3,36	-0,183
	Нейтральный опыт	50%	0%	50%	12	6,92*	0
	Отрицательный опыт	25,9%	55,6%	18,5%	27	8,89*	-0,06
Позитивные изменения в жизни		33,3%	46,7%	20%	45	9,6**	-0,16

Примечание: * отмечены результаты, имеющие статистическую значимость на уровне $p \leq 0,05$;

** отмечены результаты, имеющие статистическую значимость на уровне $p \leq 0,01$

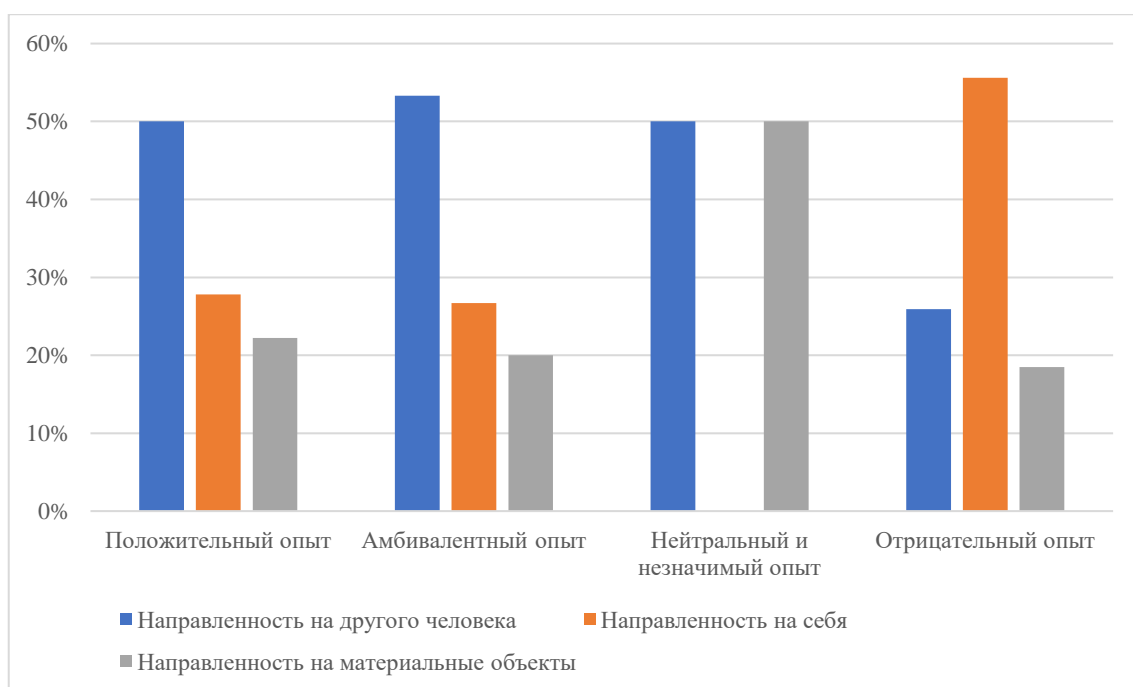

Рисунок 5. Частотный анализ категорий психосемантического компонента переживания личностью собственной деструктивности (результаты тематического контент-анализа)

Представленные на рисунке 5 результаты подтверждают, что в качестве отрицательного жизненного опыта чаще всего (55,6%) рассматривается деструктивность, направляемая человеком на самого себя («Больше не хочется себе делать больно», «Это не работает, это глупо, я навредил только самому себе»). Разрушение материальных объектов, согласно 50% ответов,

переживается скорее как нейтральный и незначимый опыт, предположительно, в силу того, что оно чаще происходит в обычных бытовых ситуациях и не имеет серьёзных необратимых последствий («*Это случилось один раз и позволило успокоиться в моменте*», «*Мне стало легче, когда я швырнула стул, какая-то часть энергии ушла вместе со стулом, облегчение*», «*Теперь если я злюсь, я откладываю телефон в сторону и стараюсь подышать*»).

Результаты тематического контент-анализа позволили обнаружить связь субъективных оценок проявлений собственной деструктивности и позитивных жизненных изменений: разрушение связывается с новым знанием о себе, о другом человеке, о людях и жизни в целом, улучшением отношений, личностными изменениями, созиданием, переосмыслением. Деструктивность, направляемая человеком на самого себя, связывается с подобными положительными изменениями в 46,7% ответов, деструктивность, направленная на другого человека – в 33,3%, а разрушение материальных объектов – в 20%.

В качестве дополнительного подтверждения этих результатов можно рассматривать выводы, полученные при контент-анализе на уровне значимых концептов: «деструкция» в ответах респондентов образует семантические связи с концептами «конструкция» и «творчество»; слово «разрушать» связано с лексической единицей «создавать/творить»; прилагательное «деструктивный» ассоциировано со словом «позитивный» (см. рисунок 2). В ответах респондентов эти концепты семантической сетки чаще всего выражают отрицание и противопоставление:

- 1) «*Деструктивность – это что-то не **позитивное**, не **конструктивное***»,
- 2) «*Мы **строим** себя по кирпичикам, а потом разрушаем*».

В то же время антонимы из семантической сетки используются в ответах для выражения идеи о сложности и неоднозначности деструктивной жизненной ситуации, одновременной представленности в ней противоположных по смыслу

характеристик. Это можно увидеть на примере следующих ответов респондентов:

1) «Я смотрю на разрушение как на результат **творчества**, вижу не только то, что есть, но и как я могу это изменить, **перестроить**, разрушить»;

2) «Надо разрушить что-то, чтобы **построить** новое».

3.1.2.4 Категории обобщённой интерпретации собственной деструктивности

Третий и заключительный блок полуструктурированного интервью содержал резюмирующие вопросы о роли и значении деструктивности в жизни респондента, а также предполагал формулирование респондентом определения собственной деструктивности как присущего ему личностного качества. Тематический контент-анализ позволил выявить четыре категории ответов респондентов на вопрос «Моя деструктивность – это», представленные на рисунке 6.

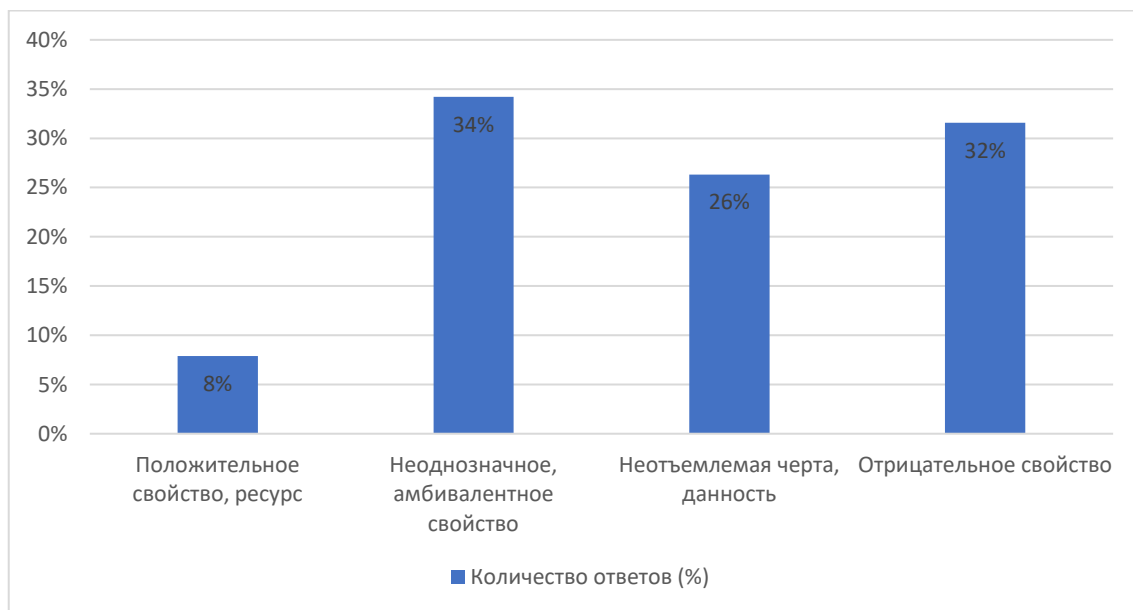

Рисунок 6. Частотный анализ категорий определений и оценок собственной деструктивности

Только в 8% ответов собственная деструктивность оценивается как положительное свойство, ресурс для изменений. В большинстве ответов (34%) отмечается неоднозначность, амбивалентность этого свойства личности: в основном оно негативное, но «иногда может использоваться в конструктивных целях», «способствовать позитивным изменениям в жизни». В 32% ответов респонденты определяют деструктивность как присущее им свойство, но оценивают его нейтрально, как неотъемлемую черту, данность, природу. В 26% ответов деструктивность оценивается однозначно негативно как отрицательное свойство: неспособность сдерживаться, контролировать себя.

Роль деструктивности в контексте всей жизни в 50% случаев оценивается как важная и значимая. В 43,3% ответов деструктивность играет не очень значительную или небольшую роль в жизни, имеет средний уровень значимости. Для 6,6% респондентов деструктивность не имеет никакого значения и не является частью жизни.

Иллюстрацией этих данных могут послужить следующие ответы респондентов:

1) *«Деструктивность в моей жизни есть, но я хотела бы с ней бороться. Я бы не хотела разрушать что-то. Для меня такие моменты очень болезненны, я бы не хотела, чтобы они были в моей жизни»* (собственная деструктивность интерпретируется как однозначно негативное свойство);

2) *«Моя деструктивность проявляется в том, что я не контролирую эмоции, обижаю людей, разрушаю свои отношения с ними, не забочусь о своём здоровье. Но разрушая, я что-то приобретаю. Что-то новое приходит на замену. Деструкция тоже должна быть»* (подчёркивается неоднозначность, противоречивость феномена деструктивности);

3) *«Моя деструктивность – это мощный ресурс для изменений. Моя разрушительность проявляется в создании»* (деструктивность рассматривается как положительное свойство личности, как ресурс);

4) *«Моя деструктивность направлена на успокоение в моменте. Связана с желанием чего-то достичь. Направлена не на то, чтобы раз и навсегда с чем-то закончить, а на то, чтобы более спокойно пережить моменты кризиса, связанного с реализацией задуманного»* (деструктивность оценивается нейтрально как неотъемлемая черта, данность, естественное свойство личности).

Также в завершение интервью респондентам предъявлялись три цитаты, связанные по смыслу с феноменом деструктивности личности, и предлагалось выбрать ту из них, которая в наибольшей степени соответствует их собственному пониманию данного феномена. Ответы распределились следующим образом:

1. *«Жажда разрушения, которую мы находим в человеческой истории и которую мы с таким страхом наблюдаем в наше время, коренится в природе человека точно так же, как и стремление к созиданию»* (Э. Фромм) – 40% респондентов;

2. *«Посмотри на добрых и праведных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника – но это и есть созидатель»* (Ф. Ницше) – 13,3% респондентов;

3. *«Без творения нечего разрушать, а без разрушения негде творить»* (В. Пелевин) – 46,6% респондентов.

Анализ распределения ответов респондентов и особенностей их толкования вышеприведённых цитат показывает, что в целом участникам исследования ближе понимание деструктивности как природной жажды разрушения (Э. Фромм) или как диалектического, взаимодополняющего созидание процесса (В. Пелевин). В некотором роде эти данные позволяют

говорить о том, что в обыденном сознании деструктивность не имеет однозначно негативной коннотации. Скорее этот феномен интерпретируется как данность, определяющая в том числе творчество, созидание и конструирование нового.

Таким образом, феноменологическое описание особенностей переживания личностью собственной деструктивности позволило изучить специфику понимания и осмысления феномена деструктивности, дифференцировать типичные ситуации проявления деструктивности в зависимости от её направленности на себя, на другого человека или на материальные объекты, а также выявить значимые компоненты переживания подобных жизненных ситуаций: преобладающие мысли, эмоции и чувства, действия.

Согласно результатам нашего исследования, переживание аутодеструктивности характеризуется преобладанием мысленных оценок ситуации, отрицательных эмоций и однозначно негативных смыслов, в то время как деструктивности в отношении другого соответствует более амбивалентное эмоциональное наполнение переживаний и неоднозначная смысловая интерпретация. Разрушение материальных объектов часто сопровождается положительными эмоциями и активным поведением, при этом деструкции приписывается преимущественно нейтральное значение.

Данные тематического контент-анализа и анализа на уровне значимых концептов подтверждают неоднозначность и многовекторность феномена деструктивности, его связь как с отрицательными, так и с положительными эмоциями (радостью, интересом), конструктивными смыслами и значениями (новое знание о себе или другом, трансформация отношений, ресурс для созидания и творчества), а также с позитивными жизненными изменениями в представлениях личности.

3.2. Показатели деструктивности респондентов выборки (описательный анализ данных психодиагностических методик)

Деструктивность может быть рассмотрена в соотношении с различными категориями психического и определена не только как процессуальная характеристика или специфическое состояние, но и как личностная диспозиция или поведенческая характеристика. В связи с этим на следующем этапе анализа данных мы оценили степень выраженности деструкции как стратегии социального поведения и деструктивности как устойчивой черты личности с помощью методики К. В. Злоказова «Жизненные ситуации» и «Я-структурного теста Г. Аммона».

Как видно из таблицы 4, у респондентов выборки отмечаются более низкие, по сравнению с нормативными данными, показатели деструктивной стратегии социального поведения.

Таблица 4. Статистические данные респондентов выборки по шкалам методики «Жизненные ситуации» К.В. Злоказова (данные выборки первой части исследования, n=30)

Переменная	Среднее значение	Медиана	SD	Асимметрия	Экссесс	Интерпретация
Деструкция интрасубъектная	0,73	1	0,74	0,48	-0,97	Ниже нормативных
Деструкция интерсубъектная	0,96	1	1,1	1,74	4,92	Ниже нормативных
Деструкция метасубъектная	1,1	1	1,13	0,88	0,08	Ниже нормативных
Деструкция как стратегия соц. поведения (сумма)	2,8	3	2,17	1,21	2,75	Ниже нормативных

При этом проверка нормальности распределения по критерию Колмогорова-Смирнова показала, что распределение переменных, измеренных с помощью шкал методики К. В. Злоказова, отличается от нормального ($p \leq 0,05$): наблюдается очень широкий разброс значений.

Исходя из показателей асимметрии также следует, что распределение переменных является отличным от нормального, при этом асимметрия является положительной и правосторонней, а значит, в распределении часто встречаются значения меньше среднего.

Показатели эксцесса аналогичным образом свидетельствуют о несимметричном распределении данных: для шкал интрасубъектной деструкции и общего показателя деструкции как стратегии социального поведения график распределения является островершинным, что означает сильный разброс значений в выборке.

Значение эксцесса по шкале интрасубъективной деструкции является отрицательным, следовательно, график распределения значений этой переменной является плосковершинным и эмпирическое распределение является более низким относительно нормального. Отсюда следует, что степень выраженности интрасубъективной направленности деструктивной стратегии социального поведения у респондентов выборки значительно ниже нормативных показателей. Однако эти данные противоречат результатам контент-анализа полуструктурированного интервью, согласно которым респонденты проявляют преимущественно аутодеструктивность в жизненных ситуациях и оценивают уровень собственной саморазрушительности выше среднего. Обнаруженное противоречие результатов ещё раз подтверждает, что репрезентация психического явления в переживаниях личности не тождественна его реализации во внешнем плане на уровне поведенческих паттернов: личность, остро переживающая различные события жизни как связанные с саморазрушением, может не проявлять саморазрушительные

тенденции в конкретных поведенческих актах (например, в силу высокой социальной адаптированности).

Анализ данных, полученных с помощью методики «Я-структурный тест Г. Аммона», позволяет заключить, что показатели деструктивных Я-функций и деструктивности как свойства личности респондентов выборки находятся в пределах средних значений (таблица 5).

Таблица 5. Статистические данные респондентов выборки по шкалам методики «Я-структурный тест Г. Аммона (ISTA)» (данные выборки первой части исследования, n=30)

Переменная	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс	Интерпретация
Деструктивная агрессия	50,4	52	7,97	0,11	-0,98	Средний тестовый показатель
Деструктивная тревога	49	44,5	12,91	0,79	0,01	Средний тестовый показатель
Деструктивное внешнее Я-отграничение	54,4	56	15,6	0,21	-1,01	Средний тестовый показатель
Деструктивное внутреннее Я-отграничение	49,97	50	12,77	0,23	-0,27	Средний тестовый показатель
Деструктивный нарциссизм	49,7	44	14,44	0,74	-0,38	Средний тестовый показатель
Деструктивная сексуальность	46,77	46	8,20	0,86	0,46	Средний тестовый показатель

Общая деструктивность	300,23	299	48,22	0,06	-1,01	Средний тестовый показатель

Примечание: Диагностические «сырые» баллы были преобразованы в Т-баллы и проинтерпретированы согласно методическим рекомендациям Ю.А. Тупицына и соавторов.

Распределение большего числа переменных, измеренных шкалами теста Г. Аммона, не отличается от нормального (Колмогорова-Смирнова, $p > 0,05$). Показатели асимметрии и эксцесса большинства переменных, близкие к 0, также подтверждают этот вывод. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что респонденты выборки оценивают деструктивные функции своего Я (Агрессию, Тревогу, Внешнее и Внутреннее отграничение Я, Нарциссизм и Сексуальность) как присущие им личностные характеристики, уровень выраженности которых не является критическим и не нарушает субъективное благополучие личности и её социальную адаптацию.

Результаты анализа данных измерения посредством «Я-структурного теста», согласуются с теоретико-методологическими основаниями и дизайном исследования, целью которого является изучение деструктивности как универсальной характеристики личности, рассматриваемой независимо от социально-демографических, социокультурных, клинических и различных других показателей. В связи с этой целью выборка участников исследования является неспецифичной и произвольной, собранной методом случайного подбора: в данном случае логично ожидать преимущественно средних тестовых значений по шкалам методик в выборке и нормальности распределения.

Однако совокупные результаты по двум методикам, направленным на оценку деструкции как стратегии поведения и деструктивности как свойства личности, оказались противоречивыми. Отличные от нормального распределения данные по шкалам методики «Жизненные ситуации» К. В. Злоказова, описанные в таблице 4, с одной стороны, могут говорить о

наличии специфических характеристик выборки и латентных факторов, влияющих на распределение переменной, соответствующей деструкции на уровне поведенческих паттернов (например, о высоком уровне социальной приспособленности респондентов). С другой стороны, низкие значения по методике в среднем по выборке могут быть объяснены нуждающимися в дополнительной проверке показателями валидности инструментария или его несоответствием целям и задачам данного исследования. Увеличение объёма выборки нашего исследования и повышение её репрезентативности позволит уточнить обнаруженные противоречия.

Для соотнесения данных оценки деструктивности как черты личности или как характеристики поведения с показателями других устойчивых параметров личностного профиля проводилось измерение с помощью ещё одного психодиагностического инструмента – «Многофакторного личностного опросника 16PF» Р. Б. Кеттелла. Результаты описательного анализа статистических данных респондентов по шкалам методики представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Статистические данные респондентов выборки по шкалам методики «Многофакторный личностный опросник 16PF» (данные выборки первой части исследования, n=30)

Переменная	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Асимметрия	Эксцес	Интерпретация
MD Самооценка	5,83	6	2,2	0,27	-0,33	Среднее значение
A Общительность	6,27	7	2,88	-0,04	-0,23	Среднее значение
B Интеллект	5,9	6	1,06	0,03	-0,29	Высокое значение
C Эмоциональная	7,5	8	2,05	-1,20	2,40	Среднее

стабильность						значение
Е Доминантность	5,8	6	2,25	0,11	1,94	Среднее значение
F Экспрессивность	5,73	5,5	2,07	0,63	-0,11	Среднее значение
G Нормативность поведения	6,37	6,5	1,93	-0,16	-0,20	Среднее значение
Н Смелость	7	7	2,63	0,05	-0,14	Среднее значение
I Чувствительность	7,57	8	1,79	0,06	-0,51	Среднее значение
L Подозрительность	5,43	6	2,1	-0,36	0,17	Высокое значение
М Мечтательность	6,73	6	1,99	1,005	0,58	Среднее значение
N Дипломатичность	5,33	5	1,81	0,214	-0,71	Среднее значение
О Тревожность	7	7	1,72	-0,22	-0,32	Высокое значение
Q1 Радикализм	8,13	8	2,28	-0,38	0,24	Среднее значение
Q2 Нонконформизм	6,67	6,5	2,49	-0,49	0,06	Среднее значение
Q3 Самоконтроль	7	7	1,55	0,35	0,14	Среднее значение
Q4 Напряженность	6,2	7	2,38	-0,29	-0,51	Среднее значение

В целом, элементы структуры личности или личностного профиля респондентов выборки характеризуются преимущественно средними значениями и нормальностью распределения (Критерий Колмогорова-Смирнова, $p > 0,05$). Исключение составляют шкалы «Интеллект» ($M = 5,9 \pm 1,06$), «Подозрительность» ($M = 5,43 \pm 2,095$) и «Тревожность» ($M = 7 \pm 1,72$): по этим

параметрам получены высокие значения, что может быть объяснено особенностями выборки (например, участием преимущественно респондентов с высшим образованием).

Таким образом, результаты измерения деструктивности как диспозиции личности согласуются с вышеизложенным феноменологическим описанием изучаемого явления: самооценка личностью уровня собственной деструктивности характеризуется средними значениями так же, как и степень выраженности у респондентов деструктивных функция Я, оценённая с помощью теста Г. Аммона. Расхождение полученных результатов обнаруживается при анализе деструктивных паттернов поведения личности, которые, согласно самоотчёту респондентов по методике К. В. Злоказова, не являются ярко выраженными, что не соответствует описанию типичных ситуаций проявления деструктивности по данным интервью. Следующий этап анализа результатов направлен на соотнесение данных количественных и качественных измерений между собой.

3.3. Связь особенностей переживания личностью собственной деструктивности с элементами структуры личности

3.3.1. Факторный анализ компонентов переживания собственной деструктивности

Результаты контент-анализа и частотного анализа данных интервью, представленные в виде количественных шкал, далее обрабатывались посредством факторного анализа методом главных компонент с применением вращения Varimax. Была построена 6-факторная модель, описывающая особенности переживания личностью собственной деструктивности и объясняющая 76% совокупной дисперсии переменных (Критерий сферичности Бартлетта = 232,9; $p=0$). В таблице 7 представлена структура факторов и факторная нагрузка образовавших их переменных.

Таблица 7. Факторная структура особенностей переживания личностью собственной деструктивности

Переменные	Нагрузки
Фактор 1 «Эмоциональное переживание деструктивности» (22,95% дисперсии)	
Эмоции – отрицательные	0,699
Действия – активные	0,657
Чувства – Интерсубъектные	0,617
Чувства - социальные	0,551
Чувства – Интрасубъектные	0,434
Фактор 2 «Положительная оценка собственной деструктивности» (37,4% дисперсии)	
Действия – вербальные	0,607
Эмоции – положительные	0,558
Смысл – положительный жизненный опыт	0,347
Фактор 3 «Неоднозначная оценка собственной деструктивности» (50,1% дисперсии)	
Смысл – неоднозначный опыт	0,828
Позитивные изменения в жизни	0,641
Мысли – целевые характеристики действий	0,471
Фактор 4 «Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности» (59,7% дисперсии)	
Эмоции – и положительные, и отрицательные	0,734
Смысл – нейтральный опыт	0,497
Фактор 5 «Когнитивная оценка ситуации разрушения» (68,7% дисперсии)	
Мысли – оценки ситуации	0,578
Фактор 6 «Отрицательная оценка собственной деструктивности» (75,9% дисперсии)	
Смысл – отрицательный опыт	0,478
Действия – пассивные	0,358

Полученные результаты согласуются с данными тематического контент-анализа: выявленные факторы соответствуют когнитивным, эмоциональным и

смысловым аспектам переживания собственной деструктивности. Этот результат подтверждает нашу теоретическую гипотезу.

Так, фактор 1 «Эмоциональное переживание деструктивности» объединяет различные по своему предмету чувства, составляющие переживание собственной деструктивности: интер- и интра- субъективные и социальные. При этом эмоциональная окраска переживаний является преимущественно негативной. Кроме того, с яркой эмоциональной экспрессией связаны внешне наблюдаемые поведенческие паттерны: человек, интенсивно переживающий деструктивность, может проявлять её в активных действиях, в том числе в форме физического насилия. Подтверждением этого тезиса является цитата из одного интервью: *«Я хотел ударить его с ноги по лицу, когда он встал на колени. Если я ещё и ударю, это будет подло и неправильно. Чувствовал гнев, агрессию, ненависть, желание отомстить, обиду и вину»*.

Фактор 2 «Положительная оценка собственной деструктивности» включает переменные, соответствующие позитивному отношению к деструкции, которое выражается и в эмоциональной оценке, и в когнитивной интерпретации. С этим аспектом переживания связаны вербальные проявления деструктивности. Тематический контент-анализ данных интервью позволил обнаружить аналогичные результаты: ссоры и конфликты, в которых деструктивность в вербальной форме направляется на другого человека (прежде всего близкого, например, партнёра), часто интерпретируются личностью как значимый и ценный опыт, способствовавший либо сохранению, укреплению или перестройке отношений, либо отстаиванию границ собственного Я, обретению большей независимости (*«Эта ситуация позволила сделать явным для него моё отношение, моё ощущение себя»*).

Противоположный по смыслу фактор 6 «Отрицательная оценка собственной деструктивности» объединяет интерпретацию проявлений собственной деструктивности как однозначно негативного жизненного опыта и

пассивные действия как преобладающий компонент переживания разрушения. Результаты контент-анализа свидетельствуют о том, что этим переменным чаще всего соответствуют ситуации проявления аутодеструктивности. На следующем примере можно увидеть, как переживание пассивного саморазрушения наделяется резко негативным личностным смыслом:

*«Когда я думала, что забеременела, я довела себя до исступления. Я очень сильно переживала, потому что тогда рассталась со своим молодым человеком. Сама себя осуждала, доводила себя до состояния **немогности**, до такого состояния, когда люди как психи. **Лежала, свернувшись клубочком** возле маминых ног, расшатанное состояние, пустая голова... Я знала, что мне нельзя нервничать, но не могла остановить себя, знала, что мне будет плохо, что будут определённые последствия, а я не останавливалась. Поэтому это саморазрушение».*

Факторы 3 и 5 в большей мере характеризуют когнитивные компоненты переживания. Например, неоднозначная когнитивная оценка собственной деструктивности представлена фактором 3. Переживание деструктивности интерпретируется как сложный, противоречивый опыт, связанный в том числе с позитивными изменениями в жизни. С этим фактором коррелирует переменная «мысли о целевых характеристиках собственных действий»: можно предположить, что ей соответствует намеренное и целенаправленное разрушение, т.е. сознательное проявление деструктивности («я **защищаюсь, отстаиваю границы**», «**собрать вещи и убежать**», «я буду **мстить, ты мне всё портишь**»).

Фактор 5 «Когнитивная оценка ситуации разрушения» имеет схожий смысл, однако он представлен другой переменной – «мыслительная оценка ситуации». Предполагаем, что в этом аспекте переживания также имеет место высокий уровень осознанности и рефлексии, но разрушение в данном случае не является целенаправленным, человек не осмысляет себя активно действующим

субъектом, а скорее пассивно наблюдает за ситуацией («*Как грустно, как тяжело, как я устала*»), «*Почему я не звоню (чтобы помириться), я же могу?*», «*Почему ты делаешь выбор в пользу других людей?*»).

Наконец, фактор 4 «Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности» так же, как и факторы 1 и 2, описывает преимущественно эмоциональное наполнение деструктивных ситуаций, которое может характеризоваться сочетанием положительных и отрицательных эмоций, т.е. являться противоречивым и неоднозначным. Такому аспекту переживания соответствует нейтральная интерпретация проявлений деструктивности, которые рассматриваются как нечто обыденное, бытовое, незначимое. Фактору 4 могут соответствовать ситуации разрушения материальных объектов, часто сопровождаемые позитивными эмоциями и отреагированием негативных: «*Это рядовой случай. Крушение мебели деструктивно, но я не могу по-другому себя успокоить*».

Таким образом, полученная в нашем исследовании факторная структура охватывает различные аспекты переживания собственной деструктивности, включает как особенности эмоционального наполнения переживаний, так и специфику когнитивной и ценностно-смысловой интерпретации личностью феномена разрушительности.

3.3.2. Кластерный анализ выборки по выявленным компонентам переживания собственной деструктивности

Далее с целью дифференцирования групп респондентов в зависимости от преобладающих компонентов переживания личностью собственной деструктивности был выполнен кластерный анализ наблюдений с группировкой по выявленным факторам. Иерархический кластерный анализ и кластеризация по методу k-средних позволили выделить 4 группы респондентов (3 итерации). Соотношение компонентов переживания личностью собственной

деструктивности (выявленных факторов) в четырёх группах отображено на рисунке 7.

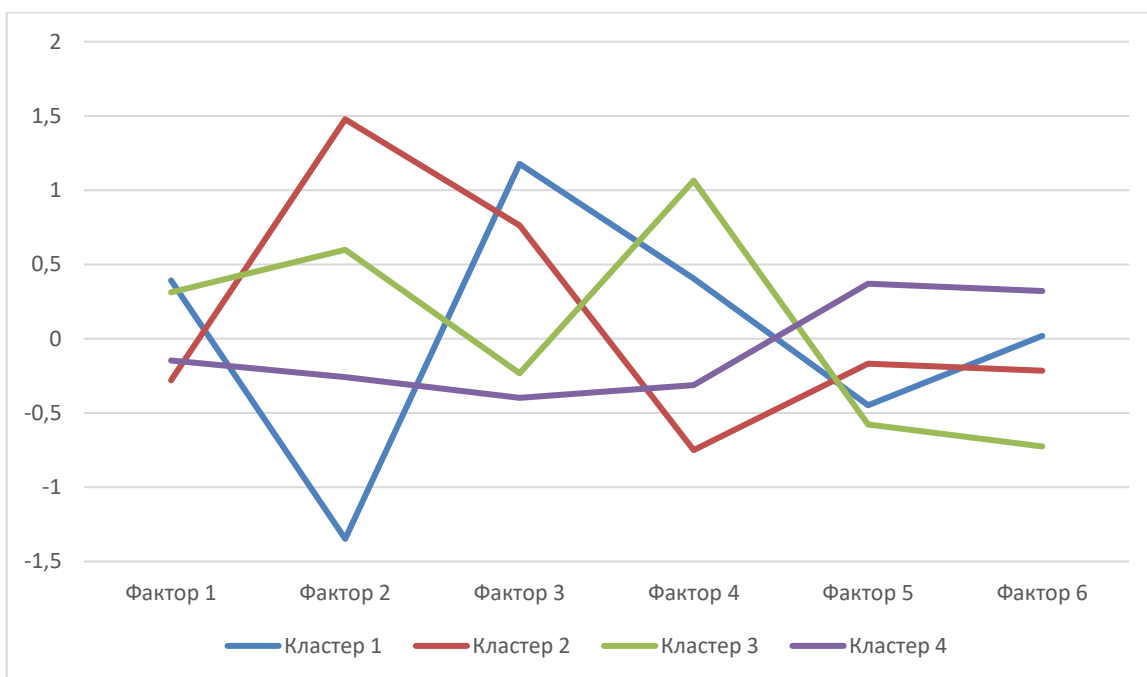

Рисунок 7. Соотношение компонентов переживания личностью собственной деструктивности в группах респондентов (конечные центры кластеров)

Первая группа респондентов (n=4) характеризуется выраженностью «Эмоционального переживания деструктивности» (фактор 1). Респонденты этой группы крайне редко оценивают проявления своей деструктивности однозначно положительно (низкие значения по фактору 2) и стараются осознать происходящее с точки зрения намерений и целенаправленности деструктивных действий (высокие значения по фактору 3). У них преобладает противоречивая оценка собственной деструктивности (фактор 3), что позволяет описать их переживания собственной деструктивности как неоднозначный опыт, имеющий негативную эмоциональную окраску, но способствующий позитивным изменениям в жизни. Соответственно, данная группа была названа нами «Двойственно интерпретирующие собственную деструктивность».

Для второй группы респондентов ($n=4$) характерно преобладание фактора 2 «Положительная оценка собственной деструктивности» и значительная выраженность фактора 3 (как и у первой группы). В целом они положительно переживают свой деструктивный опыт, как в ментальном, так и в эмоциональном плане, видят в нем позитивные моменты и уточняют его неоднозначную роль в жизни. Одновременно для них характерны сниженные показатели по фактору 4 «Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности», что говорит о конкретности и определённости эмоционального отношения к явлениям деструкции. Согласно высокой выраженности 2 фактора, мы обозначили данную группу как «Позитивно переживающие собственную деструктивность».

Третья группа ($n=9$), в отличие от второй, включает респондентов, которые амбивалентно переживают собственную деструктивность (фактор 4). Они отмечают много противоречивых, одновременно и положительных, и отрицательных эмоций в связи с деструкцией, но при этом собственные проявления деструктивности рассматривают как обыденные и незначимые события жизни. Многие описываемые этими респондентами ситуации связаны с разрушением материальных объектов, которое позволяет отреагировать негативные эмоции и испытать положительные. Эта группа описана нами как «Переживающие деструктивность в связи с амбивалентными эмоциями».

И наконец, самая многочисленная четвёртая группа ($n=16$) объединяет «Негативно оценивающих собственную деструктивность» респондентов (фактор 6), склонных к когнитивным интерпретациям ситуаций разрушения (фактор 5). Поскольку эта группа включает наибольшее количество участников, можно сделать вывод, что большинство респондентов переживают собственную деструктивность в однозначно негативном и отрицательном ключе. При этом выраженность пятого фактора у данной группы говорит о связи осознания

различных характеристик деструктивной ситуации с негативной интерпретацией своего поведения.

Завершая анализ результатов кластеризации выборки, стоит отметить, что такое распределение респондентов по группам может объясняться социальной желательностью их ответов на вопросы интервью, которая обуславливает демонстрацию однозначно негативного отношения к феномену деструктивности. Вместе с тем мы предполагаем, что частота встречаемости отрицательной оценки может быть связана со склонностью большинства участников выборки к рационализации собственных деструктивных проявлений, а также со значимой ролью ценностно-смысловой сферы личности в переживании деструктивности – преобладанием гуманистических мотивов и ценностей у респондентов.

Также необходимо отметить, что результаты кластерного анализа свидетельствуют о неоднородности переживания респондентами собственной деструктивности. Действительно, в представлениях участников выборки доминирует отрицательная оценка собственной деструктивности (4 кластер), особенно связанной с саморазрушением. Однако в то же время выделены группы, которые отмечают позитивные характеристики собственных проявлений разрушительности (2 кластер) или неоднозначно интерпретируют деструктивные жизненные ситуации (1 и 3 кластер).

3.3.3. Сравнительный анализ устойчивых личностных характеристик в группах респондентов

Одной из задач исследования являлось соотнесение результатов анализа полуструктурированного интервью с данными опроса с использованием психодиагностических методик. В связи с этим был выполнен сравнительный анализ показателей тестовых шкал в четырёх дифференцированных группах респондентов с помощью критерия Краскала-Уоллиса. Такое сопоставление позволило нам выявить различия между феноменологическими аспектами

описания людьми собственной деструктивности и измерительными способами оценки деструктивных стратегий и Я-функций.

Интересно, что значимые различия ($p \leq 0,05$) между группами респондентов были обнаружены только по шкале опросника ISTA (Я-структурного теста Г. Аммона) «деструктивная агрессия». Результаты отображены на рисунке 8.

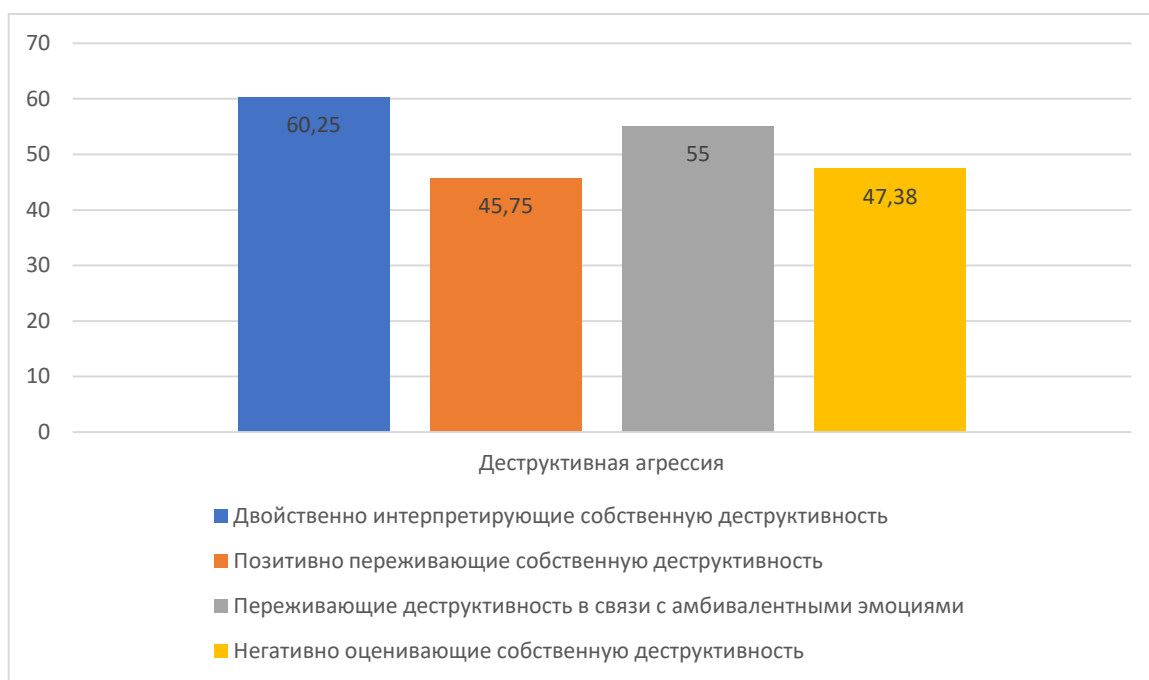

Рисунок 8. Различия по шкале «деструктивная агрессия» в четырёх группах респондентов, дифференцированных в зависимости от типа переживания собственной деструктивности

Полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты, двойственно интерпретирующие собственную деструктивность и переживающие её в связи с амбивалентными эмоциями, характеризуются более высоким уровнем деструктивной агрессии ($M=60,25 \pm 5,67$ и $M=55 \pm 7,16$ соответственно) по сравнению с теми, кто переживает деструктивность однозначно положительно ($M=45,8 \pm 2,9$) или оценивает её однозначно отрицательно ($M=47,3 \pm 6,9$). Выявленные различия могут объясняться большей

выраженностью эмоциональных компонентов переживания в группах 1 и 3: разнообразному и насыщенному эмоциональному наполнению переживаний может соответствовать более высокий уровень агрессии, в то время как рациональное осмысление собственных деструктивных проявлений может снижать её уровень.

Отсутствие различий по шкалам опросника К. В. Злоказова является дополнительным свидетельством того, что показатели данной методики не согласуются с тем, как люди переживают деструктивное поведение, что они думают и чувствуют в связи со своими деструктивными проявлениями. Можно сделать вывод, что оценка деструктивности как стратегии социального поведения больше говорит о реализации во внешнем плане внутренних деструктивных тенденций, которой часто препятствуют социальная нормативность поведения личности, в то время как феноменологическое исследование позволяет обнаружить внутренние деструктивные мотивы, отражающиеся в переживаниях личности, т.е. на более глубинном уровне.

3.3.4. Связь компонентов переживания собственной деструктивности с устойчивыми личностными характеристиками

Для дальнейшей проверки гипотезы о наличии связи особенностей переживания личностью собственной деструктивности с элементами структуры личности использовались корреляционный и регрессионный анализы.

Было обнаружено, что данные, полученные с помощью методик «Я-структурный тест Г. Аммона» (ISTA) и «Многофакторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла» (16PF) согласуются с результатами полуструктурированного интервью: корреляционный анализ по методу Спирмена подтвердил наличие достоверно значимых связей ($p \leq 0,05$) показателей нескольких шкал методик со значениями выявленных в ходе анализа интервью факторов. Результаты представлены на рисунке 9 (подробнее – в Приложении 1).

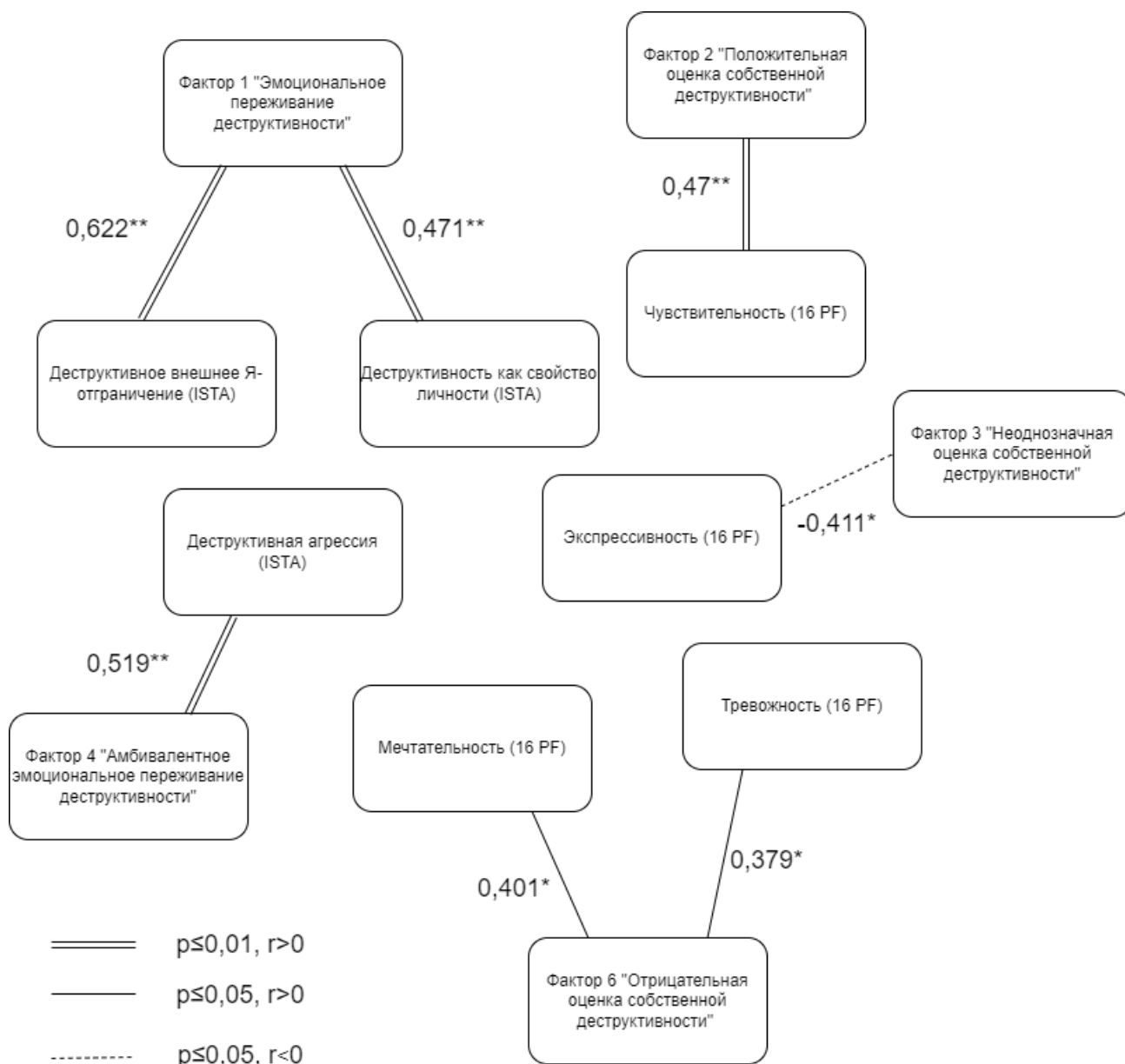

Рисунок 9. Результаты статистического анализа связи особенностей переживания личностью собственной деструктивности с устойчивыми личностными характеристиками

Например, была выявлена положительная связь позитивного переживания собственной деструктивности (фактор 2) с чувствительностью личности по опроснику 16PF ($r=0,47$; $p=0,009$). Чем более чувствительной является личность, тем чаще в её переживаниях собственной деструктивности обнаруживаются положительные эмоции и чувства и конструктивные смыслы и значения.

Также была обнаружена связь эмоционального переживания собственной деструктивности (фактор 1) с показателями таких шкал методики ISTA, как «деструктивное внешнее Я-отграничение» ($r=0,62$; $p=0$) и «деструктивность личности (как суммарный показатель по всем шкалам ISTA)» ($r=0,47$; $p=0,009$). Высокой интенсивности и экспрессивности эмоционального переживания собственной разрушительности соответствует высокая выраженность склонности личности отделять себя от окружающих, дистанцироваться, прерывать контакт. Кроме того, эта особенность переживания ситуаций разрушения напрямую связана с высоким уровнем деструктивности личности как суммарного показателя выраженности различных деструктивных функций Я.

Иными словами, корреляционный анализ подтверждает связность феноменологических аспектов явления разрушительности личности с параметрами её измерения в качестве устойчивой личностной диспозиции. Кроме того, результаты нашего исследования доказывают, что деструктивность является важным элементом системы личности, образующим связи с другими системными характеристиками, в том числе с интеллектуальными (мечтательность) и в большей степени с эмоциональными (тревожность, чувствительность, экспрессивность) свойствами личности.

3.3.5. Модель личностной деструктивности

Наличие корреляционных связей выступило основанием для построения регрессионной модели ($r^2=0,624$ при $p\leq 0,05$), в которой в качестве зависимой переменной выступил параметр «Деструктивность личности», измеренный с помощью методики ISTA, а в качестве независимых – шкалы опросника 16PF и компоненты переживания личностью собственной деструктивности, выявленные в результате факторного анализа интервью. Полученная модель описана в таблице 8.

Таблица 8. Регрессионная модель переменной «Деструктивность личности» (результаты линейного регрессионного анализа с пошаговым включением)

Предикторы	Коэффициент регрессии (b)	Стандартная ошибка (b)	Коэффициент регрессии стандарт. (β)	t-критерий	Уровень статистической значимости (p)
Константа	415,209	35,485		11,701	0,000
Эмоциональное переживание деструктивности	26,192	6,831	0,543**	3,834	0,001
Эмоциональная стабильность	-8,336	3,126	-0,354*	-2,666	0,013
Чувствительность	-11,741	3,725	-0,437**	-3,152	0,004
Нонконформизм	5,458	2,451	0,283*	2,227	0,035

Примечание: «*» отмечены статистически значимые результаты на уровне $p \leq 0,05$; «**» отмечены статистически значимые результаты на уровне $p \leq 0,01$.

Результаты регрессионного анализа подтвердили, что 62,4% дисперсии переменной «Деструктивность личности» обусловлены влиянием предикторов, связанных с эмоциональными переживаниями собственной деструктивности и с эмоциональностью личности в целом. Выявлено, что переменными, вносящими вклад в показатель деструктивности как устойчивого личностного свойства выступают «Эмоциональное переживание деструктивности» ($\beta=0,543$, $p=0,001$), «Эмоциональная стабильность» ($\beta=-0,354$, $p=0,013$), «Чувствительность» ($\beta=-0,44$, $p=0,004$), «Нонконформизм» ($\beta=0,28$, $p=0,035$). При этом переменные «Эмоциональная стабильность» и «Чувствительность» характеризуются отрицательными значениями. Иными словами, высокая степень выраженности деструктивности обусловлена выраженным нонконформизмом и склонностью к интенсивному эмоциональному переживанию собственной деструктивности, и

снижается в связи с повышением уровня эмоциональной стабильности и чувствительности.

Полученные данные согласуются с результатами исследования К. В. Злоказова и В. П. Прядеина (2014). Среди основных составляющих деструктивности как комплексного свойства личности авторы рассматривали в том числе астенические индивидуально-типологические особенности, которым соответствуют эмоциональная нестабильность и яркая выраженность эмоциональных компонентов переживания, а также преобладание асоциальных мотивов в ценностно-смысловой сфере личности, которому соответствуют низкая чувствительность и чрезмерно выраженный нонконформизм.

Необходимо отметить, что оценочные (мысли) и смысловые (отношение) компоненты переживания личности не вошли в регрессионную модель. Данный факт может вновь говорить о существенных различиях при оценке феноменологии переживаний собственной деструктивности человеком и деструктивности как личностной черты. В первом случае, речь идет о внутренних процессах и опыте, который сам человек определяет для себя как деструкцию. Во втором – о закрепившихся паттернах, типично проявляющихся в разных ситуациях.

При аналогичном построении регрессионной модели другой переменной – «Деструкции как стратегии социального поведения», измеренной с помощью авторской методики К. В. Злоказова «Жизненные ситуации», – статистически значимые результаты обнаружены не были.

Таким образом, была частично подтверждена гипотеза исследования о наличии связи степеней выраженности деструктивности как свойства личности и деструкции как стратегии социального поведения с элементами структуры личности (личностным профилем) и с особенностями переживания личностью собственной деструктивности.

3.4. Влияние особенностей переживания собственной деструктивности на устойчивость личности (результаты экспериментального исследования)

С целью расширения и углубления научных представлений о том, каким образом переживание собственной деструктивности влияет на личность, нами было проведено экспериментальное исследование. Его процедура и стимульный материал описаны в разделах 2.3.3. и 2.4.2. второй главы данной работы.

С помощью эксперимента мы хотели описать не только феноменологические аспекты деструктивности, но и проверить гипотезу об их влиянии на процессуально-динамические параметры системы личности, а именно на её устойчивость. Иными словами, устойчивость личности выступала в качестве зависимой переменной, изменения которой фиксировались в эксперименте.

3.4.1. Варьирование независимой переменной в группах

Независимой переменной в дизайне эксперимента является переживание личностью собственной деструктивности. Эта переменная варьировалась в экспериментальной и контрольных группах следующим образом:

1) Участникам экспериментальной группы предлагалось представить себя либо своего близкого человека в каждом из «домиков» (и в картонном, и в бумажном), а затем разрушить один из них на выбор.

2) Участникам контрольных групп давалось задание разрушить только один из «домиков» – либо только картонный (2 контрольная группа), либо только бумажный (1 контрольная группа), без предварительной идентификации со стимулом. Предложение на выбор бумажного или картонного «домика» было обусловлено особенностями стимульного материала: картонный «домик» является конструктором и потому может быть восстановлен, бумажный – в силу хрупкости материала является «одноразовым», поэтому его разрушение будет необратимым.

Предполагалось, что в экспериментальной группе проявление деструктивности будет переживаться интенсивнее и наделяться личностным смыслом в связи с идентификацией со стимулом и наличием ситуации выбора, в то время как в контрольных группах разрушение будет интерпретироваться вне контекста отношений личности, как простое механическое действие.

После выполнения задания с участниками всех групп проводилась беседа о переживаниях деструктивности – возникших мыслях, чувствах, ассоциациях.

Результаты эксперимента позволили обнаружить, что явного предпочтения одного из стимулов среди участников экспериментальной группы не наблюдалось: 6 участников предпочли разрушить бумажный «домик», двое выбрали картонный и двое из участников решили разрушить оба.

Контент-анализ ответов на вопросы беседы участников экспериментальной группы показал, что картонный «домик» чаще ассоциировался у них с дачей или деревней (50%), а также с семьёй (37,5%). Бумажный «домик» связывался с детством в 55,6% ответов. Результаты отображены в таблице 9.

Таблица 9. Контент-анализ ответов участников эксперимента на вопросы экспериментальной задачи

Ассоциации (участников экспериментальной группы)						Какой домик выбрали?			Почему выбрали именно этот домик?	
Картонный домик			Бумажный домик			К	Б	Оба	«Не жалко»	«Жалко второй»
Дача, деревня	Семья	Америка	Город	Детство	Европа					
50%	37,5%	12,5%	22,22%	55,56%	22,22%	20%	60%	20%	50%	40%

40% участников экспериментальной группы представляли в разрушенном «домике» себя, остальные представили либо своего близкого человека (20%), либо одновременно себя и близкого человека (20%), либо решили не представлять никого (20%).

С помощью контент-анализа ответов на вопросы беседы, которая проводилась после выполнения задания, т.е. после разрушения «домика», были дифференцированы компоненты переживания собственной деструктивности в экспериментальной ситуации. Сравнение групп по выявленным компонентам позволило обнаружить различия в эмоциональном наполнении переживаний. В экспериментальной группе отмечается большее разнообразие эмоций в связи с разрушением «домика»: появляются чувства протеста и грусти, которые не возникали у участников контрольных групп (рис. 10).

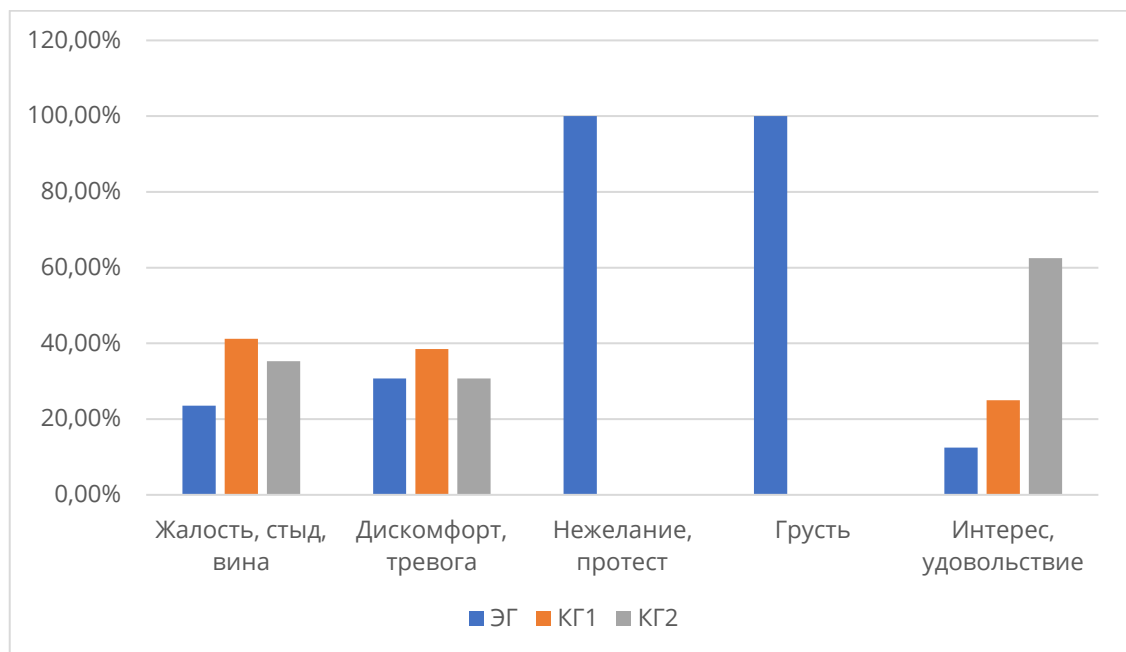

Рисунок 10. Частотный анализ эмоциональных компонентов переживания личностью собственной деструктивности в экспериментальной ситуации

При этом количество эмоций и чувств в связи с разрушением «домика», свидетельствующее об интенсивности переживания, приблизительно одинаково для трёх групп. Преобладают среди них социальные чувства – жалость, стыд и вина в связи с разрушением. Возникновение этих чувств можно объяснить социальной желательностью ответов респондентов или преобладанием просоциальных мотивов в ценностно-смысловой сфере личности. Полученные результаты могут быть связаны с влиянием побочной переменной эксперимента – характеристиками стимула: поводом для возникновения жалости и вины могло послужить то, что оба «домика» сделаны человеком (и возможно, самим экспериментатором) вручную.

В контрольной группе №2, объединяющей участников, которые разрушали только картонный «домик», чаще, чем в других (63% от всех ответов в трёх группах), отмечались положительные эмоции – удовольствие и интерес. Это также может быть обусловлено побочным влиянием свойств стимульного материала: картонный «домик» представляет из себя макет-конструктор, который можно разбирать на составные элементы и собирать заново, в отличие от бумажного «домика».

Различными оказались ассоциации с процессом разрушения «домиков», озвученные участниками трёх групп: только участники экспериментальной группы связывали этот процесс с темой взросления («прощание с детством») и с образами реальных разрушенных домов. Также участники экспериментальной группы чаще ассоциировали деструкцию «домиков» с личностно значимыми темами – расставанием или разрушением отношений (50% от всех ответов в трёх группах), выбором и возможностями (75%). Результаты представлены на рисунке 11.

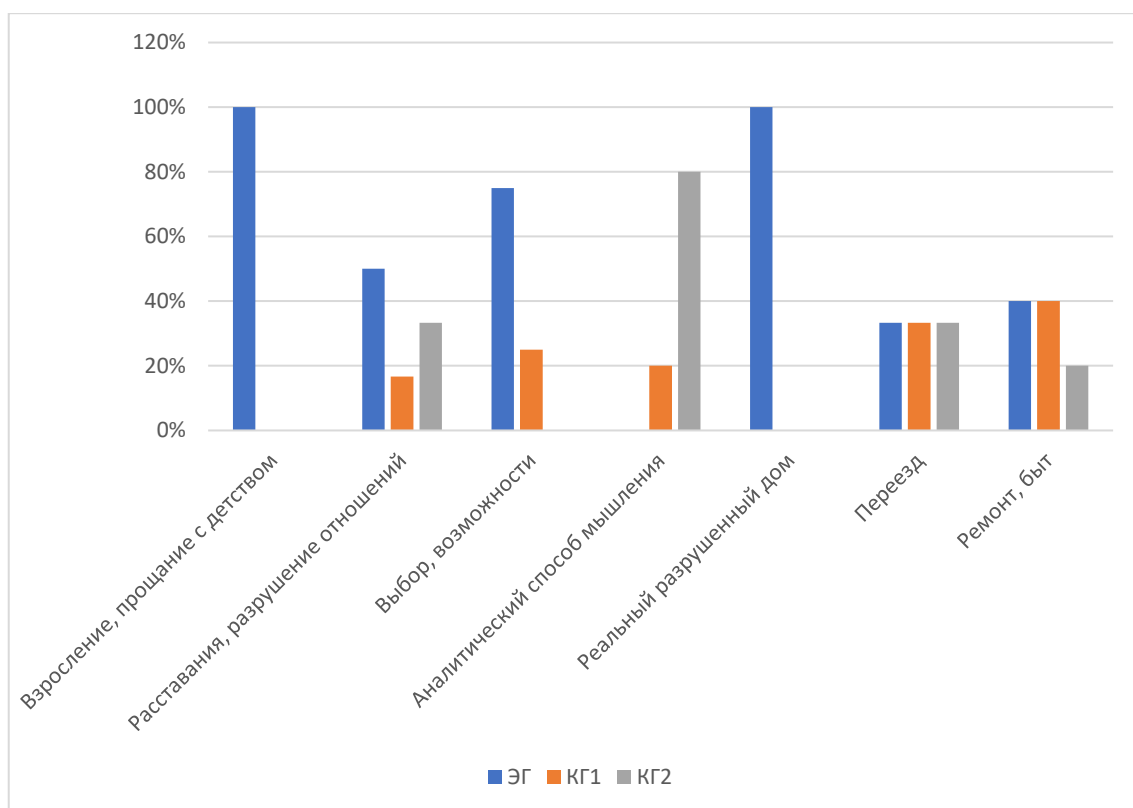

Рисунок 11. Частотный анализ ассоциативных компонентов переживания личностью собственной деструктивности в экспериментальной ситуации

Способ разрушения «домика» также отличался в трёх группах участников. Разрушавшие только картонный домик участники контрольной группы №2 предпочли самый очевидный способ выполнения задания – разобрать «домик» на составные элементы. В экспериментальной группе предпочтение отдавалось иным методам разрушения картонного «домика»: двое участников из четырёх решили просто «снять крышу» и после этого считать объект разрушенным, а один из участников наступил на него ногой (рис. 12).

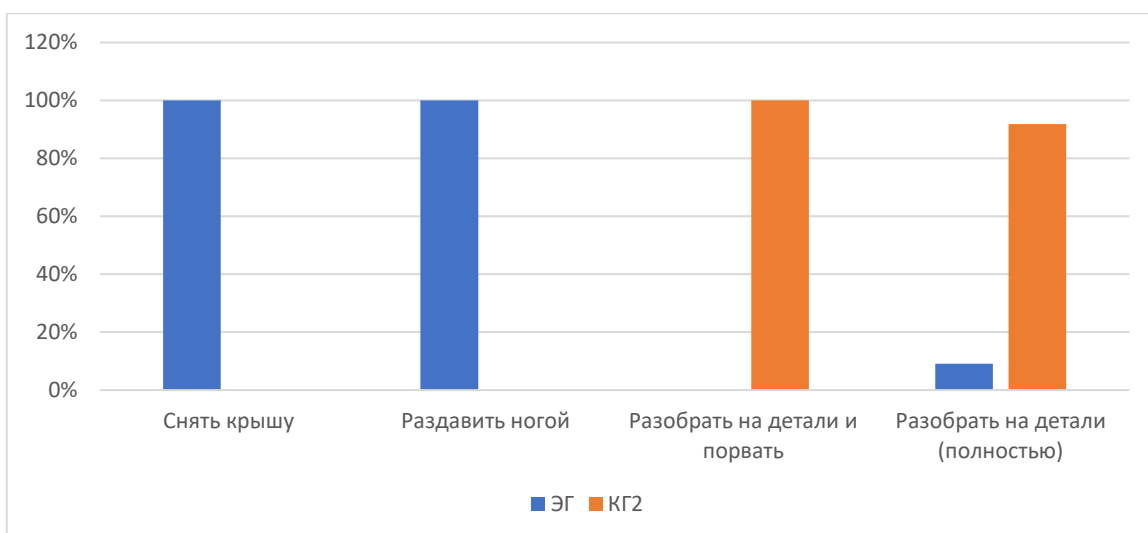

Рисунок 12. Способы разрушения картонного «домика».

Меньшее разнообразие отмечалось при разрушении бумажного «домика»: участники и экспериментальной группы, и контрольной группы №1 чаще всего предпочитали смять его. Однако в экспериментальной группе были участники, решившие, не деформируя бумажный «домик», положить его на бок и теперь считать разрушенным. В контрольной группе №1 этот способ не наблюдался (рис. 13).

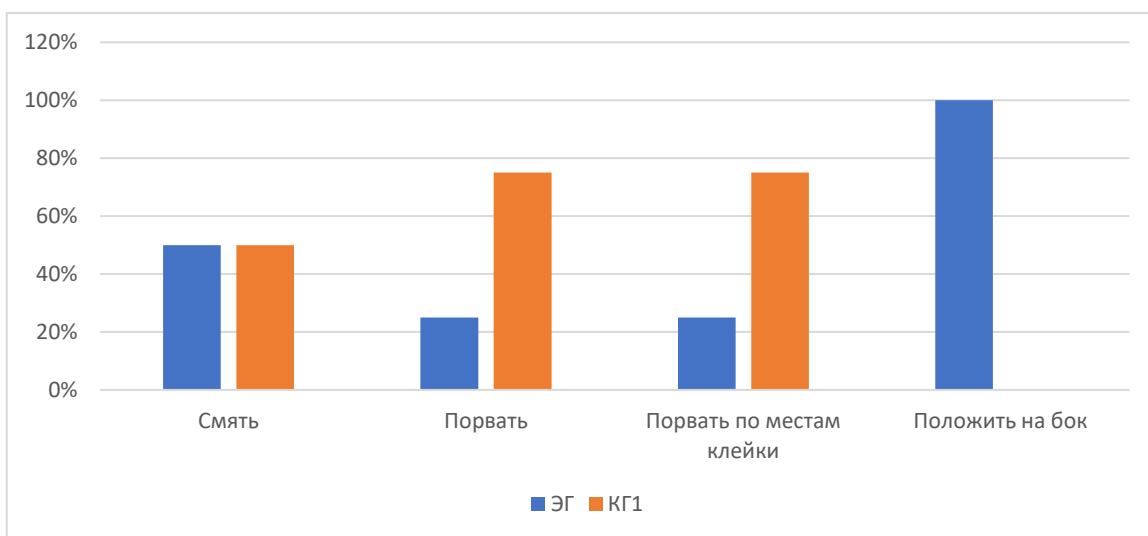

Рисунок 13. Способы разрушения бумажного «домика».

Большинство участников всех групп объясняли свой выбор способа разрушения поиском компромиссного варианта, при котором разрушенный «домик» можно восстановить, что также можно объяснить социальной желательностью ответов или действительно высокой выраженностью просоциальных мотивов у участников.

Обобщая результаты контент-анализа ответов участников исследования, можно сделать вывод о том, что возможность выбора в ходе выполнения экспериментальной задачи и предварительная идентификация со стимулом являются эффективными способами варьирования независимой переменной, поскольку способствуют интенсификации переживания деструктивности и актуализации личностно значимых тем в переживании.

3.4.2. Личностные изменения в связи с переживаниями собственной деструктивности

Зависимая переменная в эксперименте измерялась дважды с помощью Многофакторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла. На первом этапе для нас было важно определить, каким образом переживание собственной деструктивности влияет на базовые параметры личности. Согласно процессуальному подходу, любое взаимодействие с собой и миром, вызывает внутренний отклик, приводящий к нарушению равновесия и способствующий количественным (отклонениям от средних значений) и качественным (структурным) изменениям.

Описательная статистика и проверка нормальности распределения переменных двух измерений 17 личностных факторов в выборке представлена в Приложении 2.

Поскольку распределение большинства переменных соответствует нормальному (критерий Колмогорова-Смирнова $p > 0,05$ и значения асимметрии и эксцесса от -1 до 1), для проверки экспериментальной гипотезы использовался однофакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями. Построение

одномерной линейной модели позволило обнаружить влияние принадлежности к группе на значение переменной «доверчивость-подозрительность» - фактор L ($p \leq 0,05$). При этом результаты апостериорных сравнений, проведенных с помощью критерия Бонферрони, свидетельствуют об отсутствии значимых различий при попарном сравнении групп. Результаты отображены в таблице 10.

Таблица 10. Сравнение данных повторных измерений переменной «доверчивость-подозрительность» в трёх группах респондентов (результаты однофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями)

Многомерные критерии						
Эффект		Значение	F	Ст.св. гипотезы	Ошибка ст.св.	Значимость
Фактор L* № группы	След Пиллаи	0,247	4,433	2,0	27,0	0,022*
	Лямбда Уилкса	0,753	4,433	2,0	27,0	0,022*
	След Хотеллинга	0,328	4,433	2,0	27,0	0,022*
	Наибольший корень Роя	0,328	4,433	2,0	27,0	0,022*

Примечание: «»* отмечены статистически значимые результаты на уровне $p \leq 0,05$;

Далее для уточнения результатов был проведён сравнительный анализ двух измерений переменной «доверчивость-подозрительность» в каждой группе респондентов с помощью критерия Т-Вилкоксона (использовался непараметрический аналог Т-критерия Стьюдента, т.к. $n=10$ в каждой группе). Значимые различия двух измерений переменной были обнаружены в экспериментальной группе: отмечается снижение уровня подозрительности после экспериментального воздействия ($M=5 \pm 2,2$ и $M=4,6 \pm 2,1$).

Таблица 11. Сравнение данных повторных измерений переменной «доверчивость-подозрительность» в каждой группе респондентов (результаты сравнительного анализа по критерию Т-Вилкоксона).

Фактор L: «подозрительность»				
Группа	1 замер (среднее и ст. откл.)	2 замер (среднее и ст. откл.)	Z- значение критерия Т- Вилкоксона	Уровень значимости р по критерию Т- Вилкоксона
Экспериментальная	M = 5±2,2	M = 4,6±2,1	-2,0	0,046*
Контрольная 1	Нет значимых различий в двух замерах			
Контрольная 2	Нет значимых различий в двух замерах			

Примечание: «»* отмечены статистически значимые результаты на уровне $p \leq 0,05$;

Полученные данные свидетельствуют о том, что переживание собственной деструктивности способствует повышению уровня доверчивости личности. Проявление деструкции в присутствии другого (в данном случае экспериментатора), не повлекшее за собой негативной оценки, осуждения, и что особенно важно, сопровождающееся рефлексией собственных действий в диалоге с другим (осуществлением деятельности переживания), значимо повышает уровень доверия личности. Мы считаем полученный результат ценным для практики психологического консультирования, в которой, например, с помощью методов арт-терапии или психодрамы, могут интенсифицироваться (а затем обсуждаться и прорабатываться в доверительном контакте с психологом) переживания клиента, связанные с его разрушительностью.

3.4.3. Изменения устойчивости личности, обусловленные переживанием собственной деструктивности

На следующем этапе, в логике процессуального подхода к исследованию, мы также предположили, что изменения личности под влиянием переживаний различных ситуаций можно зафиксировать путём измерения системного

параметра – устойчивости личности. Особый интерес для нас представляют изменения системы личности, обусловленные переживанием деструктивности.

Мы предположили, что особенности переживания личностью собственной деструктивности могут способствовать поддержанию её устойчивости, которую, согласно системному подходу В. А. Ганзена, можно определить не только как стабильность основных личностных параметров, но и как стабильность совокупности следующих системных показателей:

- 1) количества связей между элементами в системе личности (в нашем случае – между базовыми чертами по Р. Б. Кеттеллу);
- 2) силы этих связей;
- 3) степени дифференцированности элементов в системе

Для проверки данной гипотезы был проведён корреляционный анализ всех 17 факторов, полученных по опросу с помощью методики Р. Б. Кеттелла в первом и во втором замере для каждой из трёх групп. Это позволило оценить выраженность параметров стабильности системы личности и зафиксировать изменения количества, силы связей в системе и их пространственной организации. Были выявлены различия по этим параметрам в трёх группах участников, однако мы не можем оценить их статистическую значимость (табл. 12).

Таблица 12. Параметры стабильности системы личности в трёх группах участников эксперимента

	Кол-во связей в 1 замере	Кол-во связей во 2 замере	Изменение кол-ва связей	Изменение силы связи (разница γ в двух замерах в среднем по модулю)	Изменение значимости связи (разница p в двух замерах в среднем по модулю)
ЭГ	9	6	-3	0,072	0,027

КГ1	7	7	0	0,06	0
КГ2	10	8	-2	0,086	0,024

В экспериментальной группе количество связей, являющееся одним из критериев устойчивости личности, отличается в первом и во втором замере (9 и 6 соответственно). После экспериментального воздействия изменилась структура связей: во втором замере появились новые значимые связи, например, между самооценкой и интеллектом ($r=0,678^*$, $p=0,031$), и между доминантностью и дипломатичностью ($r=0,77^{**}$, $p=0,009$). Изменилась сила связей: например, снизился коэффициент корреляции между факторами I «чувствительность» и M «мечтательность»: $r=0,768^{**}$ в первом замере и $r=0,665^*$ во втором замере. Кроме того, понизился p -уровень значимости этой связи (до $p<0,05$). Результаты проиллюстрированы посредством корреляционных плеяд (рис. 14 и 15).

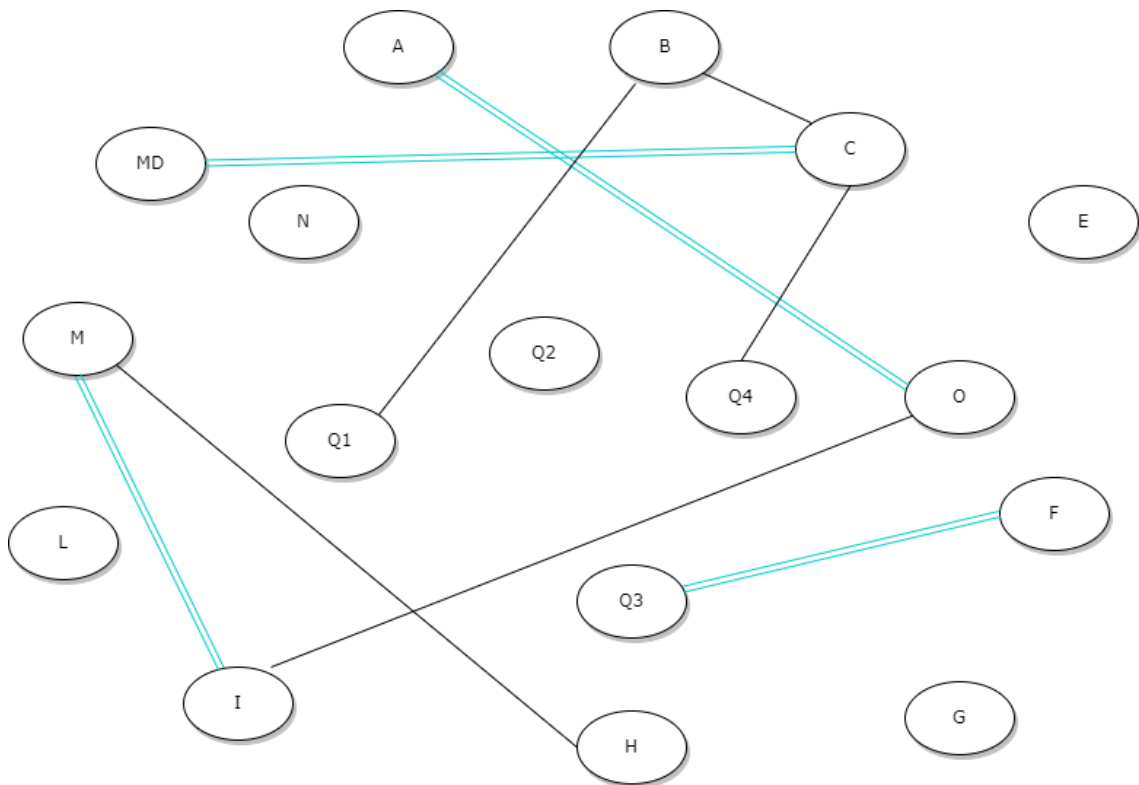

Рисунок 14. Первый замер показателей шкал Многофакторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла в экспериментальной группе выборки второй части исследования (результаты корреляционного анализа по методу Спирмена)

Примечание: цветом отмечены связи, обнаруженные и в первом, и во втором замере.

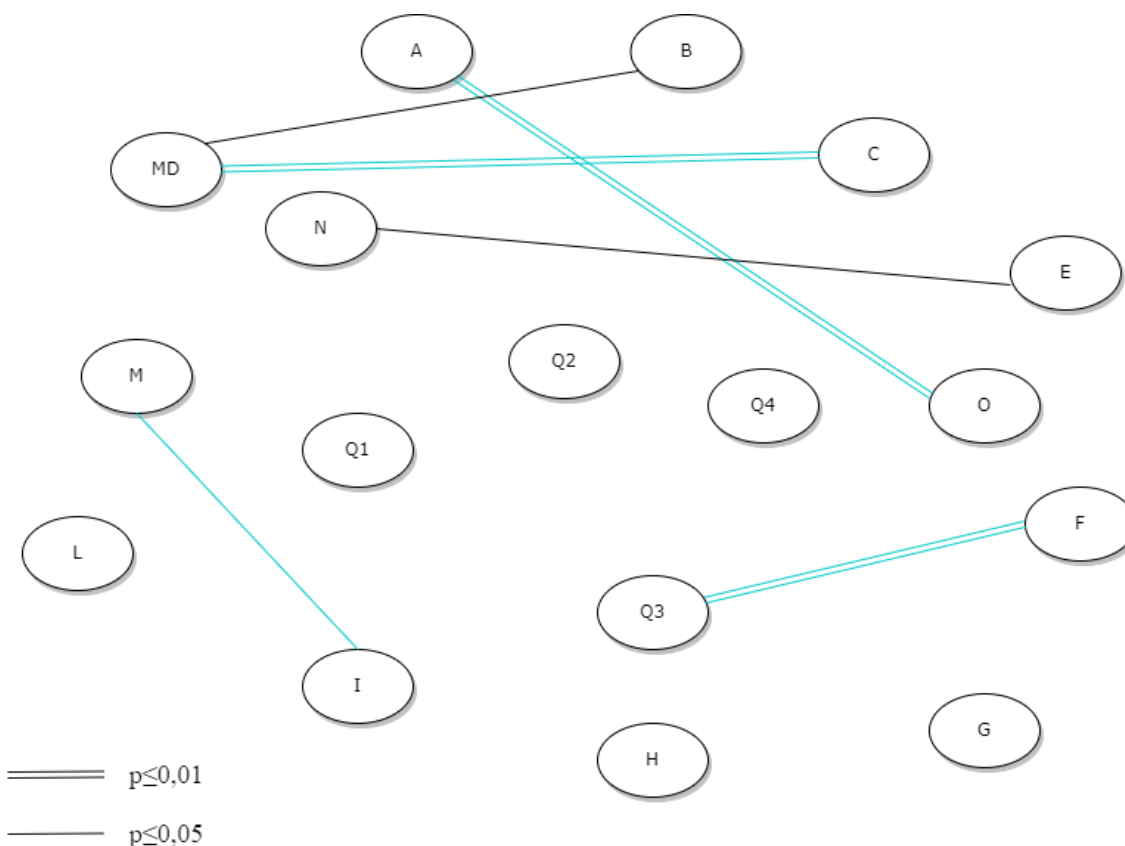

Рисунок 15. Второй замер показателей шкал Многофакторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла в экспериментальной группе выборки второй части исследования (результаты корреляционного анализа по методу Спирмена)

Примечание: цветом отмечены связи, обнаруженные и в первом, и во втором замере.

Однако в контрольных группах также наблюдается изменение параметров стабильности системы личности: например, в контрольной группе №2 изменилось количество связей и их пространственная организация, в большей мере изменилась сила связи, чем в экспериментальной группе (табл. 12).

Полученные результаты мы объясняем неточной операционализацией переменной «устойчивость личности» в экспериментальном исследовании и недостаточной валидностью способа её измерения: фиксация изменений корреляционных связей в системе личности позволяет изучить стабильность системы, но не её устойчивость. Следуя логике системного подхода В. А. Ганзена, мы рассматривали данные понятия как синонимичные.

Между тем, процессуальный подход, на котором мы строим своё исследование, описывая процессуальную природу личности, говорит о постоянном «пребывании личности в изменении» [44]. Именно пребывание в изменении помогает поддерживать устойчивость личности – ее способность изменяться и развиваться в любых обстоятельствах. Таким образом, для оценки влияния переживаний собственной деструктивности необходимо более точно операционализировать понятие «устойчивость личности» с точки зрения выделения референтов, обеспечивающих динамичность личности и её способность к эффективному и оптимальному функционированию в будущем.

Кроме того, существенным ограничением дизайна экспериментальной части исследования является использование стимульного материала для варьирования переменной «переживание собственной деструктивности». Описание феноменологии переживания, представленное в первой части эмпирического исследования, свидетельствует о том, что человек реже придаёт значимый смысл разрушению материальных объектов, по сравнению с ситуациями саморазрушения или разрушения, направленного на другого человека. В нашем случае разрушался материальный объект, деструкция которого, исходя из данных интервью, не вызывает сильных переживаний. Это могло повлиять на результаты эксперимента. К сожалению, деструктивность является феноменом, проявляющимся в интер- и интраперсональной плоскостях, и переживается в связи с контекстом отношений личности, что накладывает существенные этические ограничения при использовании экспериментального метода исследования.

ВЫВОДЫ

1) Сравнение различных определений и анализ основных психологических подходов к изучению деструктивности показали, что деструктивность может быть определена как метасвойство личности или метахарактеристика, обобщающая различные системные качества и функции и проявляющаяся не только на уровне поведенческих паттернов, но и во внутрипсихическом плане.

2) Феноменологически деструктивность может быть описана посредством значимых когнитивных, эмоциональных, поведенческих и психосемантических (смысловых) компонентов переживания:

- Когнитивный компонент представлен преобладающими мыслями в ситуации разрушения: мыслями о целевых характеристиках собственных действий или мыслями-оценками ситуации;

- Эмоциональный аспект переживания проявляется в наличии положительных и отрицательных эмоций в ситуации проявления деструктивности, а также в преобладании интрасубъектных, интерсубъектных или социальных чувств;

- Поведенческие паттерны, сопутствующие переживанию деструктивности, включают активные, пассивные и вербальные действия;

- Психосемантический компонент переживания собственной разрушительности представлен положительной, отрицательной, нейтральной или амбивалентной оценкой и интерпретацией опыта деструкции.

3) Переживание собственной деструктивности существенно различается в зависимости от типа направленности разрушения: на себя, на другого человека или на материальные объекты. Переживание аутодеструктивности характеризуется преобладанием мысленных оценок ситуации, отрицательных эмоций и однозначно негативных смыслов, в то время как деструктивности в отношении другого соответствует более амбивалентное

эмоциональное переживание и неоднозначная интерпретация. Разрушение материальных объектов часто сопровождается положительными эмоциями и активным поведением, приписыванием деструкции нейтрального значения.

4) Выявленная 6-факторная структура особенностей переживания личностью собственной деструктивности включает следующие компоненты:

- Факторы «Эмоциональное переживание деструктивности» и «Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности», соответствующие аффективным аспектам переживания;

- Фактор «Когнитивная оценка ситуации разрушения», отражающий специфику ментальной репрезентации деструкции в переживании личности;

- Факторы «Положительная оценка собственной деструктивности», «Неоднозначная оценка собственной деструктивности» и «Отрицательная оценка собственной деструктивности», характеризующие различные аспекты смысловой интерпретации феномена в жизненном контексте личности.

5) В зависимости от преобладающих компонентов (факторов) переживания личностью собственной деструктивности выделяются 4 группы респондентов:

- «Двойственно интерпретирующие собственную деструктивность» – респонденты, в переживании которых разрушительность личности осмысливается как неоднозначный и противоречивый феномен;

- «Позитивно переживающие собственную деструктивность» – группа, объединяющая тех респондентов, которые связывают ситуации проявления разрушительности с положительными смыслами и значениями, позитивными изменениями в жизни;

- «Амбивалентно переживающие собственную деструктивность» – респонденты, испытывающие одновременно и положительные, и отрицательные эмоции в связи с собственными деструктивными и

аутодеструктивными проявлениями, фокусирующиеся преимущественно на эмоциональном наполнении подобных переживаний;

- «Негативно оценивающие собственную деструктивность» – самая многочисленная группа, участники которой однозначно отрицательно интерпретируют феномен деструктивности личности.

6) Сравнительный анализ личностных характеристик в выявленных кластерах, показал, что дифференцированные группы респондентов различаются по степени выраженности деструктивной агрессии. В большей степени этот параметр выражен у тех, кто двойственно интерпретирует свои деструктивные проявления, а также амбивалентно переживает собственную разрушительность.

7) Особенности переживания личностью собственной деструктивности значимо связаны с элементами структуры личностного профиля. Степень выраженности деструктивности как свойства личности положительно связана с эмоциональной нестабильностью, низкой чувствительностью и выраженным нонконформизмом, а также с эмоциональным наполнением переживаний деструктивности.

8) Результаты экспериментального исследования не позволяют подтвердить гипотезу о наличии значимого влияния особенностей переживания собственной деструктивности на устойчивость системы личности.

9) Однако по данным эксперимента было обнаружено влияние переживания разрушения на одну из характеристик личностной структуры: переживанием деструктивности в экспериментальной ситуации обусловлено снижение уровня подозрительности личности (фактор L «доверчивость-подозрительность» опросника 16PF Р.Б. Кеттелла). Зафиксированные изменения могут объясняться ситуативным повышением уровня доверия в межличностном взаимодействии при проведении эксперимента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа была направлена на изучение психологических особенностей переживания личностью собственной деструктивности. В ходе исследования были выполнены следующие теоретические исследовательские задачи:

1. Был проведён теоретический анализ психологической литературы по теме исследования, позволивший соотнести различные подходы к определению понятий «деструкция» и «деструктивность», сформулированные отечественными и зарубежными авторами.

2. Кроме того, были рассмотрены перспективы изучения особенностей переживания личностью собственной деструктивности в рамках феноменологического подхода к исследованию, с целью получить данные о психосемантическом наполнении переживаний, т.е. о личностном смысле, который человек приписывает своим деструктивным и аутодеструктивным проявлениям.

3. Также в рамках теоретического обзора была доказана необходимость рассмотрения феномена деструктивности в соотношении с параметрами устойчивости и изменчивости личности и правомерность применения процессуального подхода для реализации этой исследовательской задачи.

По результатам теоретического обзора были сформулированы исследовательские гипотезы, для проверки которых далее реализовывались методические задачи:

1) Была разработана программа проведения эмпирического исследования, включающая также план эксперимента.

2) Было составлено полуструктурированное интервью для изучения особенностей переживания личностью собственной деструктивности.

3) Был подобран комплекс психодиагностических методик для изучения деструктивности как свойства личности, деструкции как стратегии социального поведения, а также для оценки структуры личностного профиля и измерения показателей устойчивости личности.

4) Также был выбран статистический инструментарий для математической обработки результатов исследования.

Результаты эмпирического исследования позволили получить ответы на основные исследовательские вопросы:

1. Феноменологическое описание позволило выявить значимые эмоциональные, когнитивные и смысловые компоненты переживания личностью типичных ситуаций проявления деструктивности, различающиеся в зависимости от направленности разрушения на себя, на другого человека или на материальные объекты.

2. Также в исследовании была обнаружена связь особенностей переживания личностью собственной деструктивности со структурой личностного профиля.

3. Экспериментальная гипотеза исследования о наличии значимого влияния особенностей переживания собственной деструктивности на устойчивость системы личности не подтвердилась. Однако было обнаружено влияние переживания разрушения на снижение уровня подозрительности личности.

Эмпирические результаты исследования согласуются с его теоретическими предпосылками и являются доказательством неоднозначности и многовекторности феномена деструктивности, связанного не только с отрицательными, но и с положительными и конструктивными смыслами и значениями, а также с позитивными жизненными изменениями в представлениях личности.

Полученные результаты могут использоваться для дальнейшего исследования феномена деструктивности личности и способствовать развитию теоретических представлений.

Кроме того, данные об особенностях переживания личностью собственной деструктивности, их смысловом наполнении, значении в жизненном контексте, а также об их связи со структурой личности и с повышением уровня доверия в межличностном взаимодействии, могут представлять ценность для практики психологического консультирования и психотерапии. Результаты исследования подтверждают, что концепция деструктивности личности может быть использована для описания и интерпретации широкого круга запросов клиентов, обсуждаемых в рамках консультативной и психотерапевтической работы.

Ограничениями исследования являются малочисленность выборки и её однообразие по ряду социально-демографических характеристик, например, по гендерной принадлежности и уровню образования.

Существенными ограничениями дизайна экспериментальной части исследования являются использование стимульного материала для варьирования переменной «переживание собственной деструктивности», а также операционализация переменной «устойчивости личности» через параметры стабильности личности как системы.

Перспективы дальнейшего изучения феномена деструктивности могут заключаться в расширении выборки респондентов и повышении её репрезентативности, использовании дополнительных диагностических методик и статистических методов для решения новых эмпирических задач, а также в совершенствовании дизайна экспериментального исследования для изучения связи переживаний деструктивности с устойчивостью и изменчивостью личности.

Список используемых источников

1. Алейникова Т.В. Влечение к деструкции: норма или патология? Биологические или психологические основы? Возможные нейрофизиологические механизмы // Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: Сб. статей / Сост., автор вступ. ст. Ф.Р. Филатов. – Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2020. – С. 205-207.
2. Аммон Г. Агрессия как *ad gredi* (краткий обзор книги Г. Аммона “Gruppensdynamik der Aggression”, 1981, выполнен психологом В.И. Николаевым) // Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: Сб. статей / Сост., автор вступ. ст. Ф.Р. Филатов. – Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2020. – С. 92-94.
3. Аммон Г. Динамическая психиатрия – М.: изд. Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, 1995. – 200 с.
4. Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. Феноменология неадаптивной активности в культурно-исторической парадигме // Культурно-историческая психология. – 2008. – Том 4. № 1. – С. 37-47.
5. Беспалов Д.В. Анализ научных подходов к пониманию деструктивности как основа рассмотрения деструктивного лидерства в малых группах // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – №3 (27). – С. 270-279.
6. Богдан С.С. Человеческая деструктивность как форма агрессии: экзистенциально-гуманистический подход // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 3. Ч. 2. – С. 20-23.
7. Боголюбова О.Н., Киселева Е.В. Переживание стыда: качественный анализ нарративов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2015. – №1. – С. 38-52.
8. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 2004.

9. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
10. Василюк Ф.Е., Карягина Т.Д. Личность и переживание в контексте экспириентальной психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. – 2017. – Т. 25. № 3. – С. 11-32.
11. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 324 с.
12. Воронцова М.В., Макаров В.Н., Бюндюгова Т.В. Теория деструктивности. Учебное пособие. – Таганрог: Изд-ль А.Н. Ступин, 2014. – 360 с.
13. Ганзен В.А. Системные описания в психологии – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.
14. Григорова Т.П. Деструктивная привязанность к партнеру в близких отношениях взрослых как фактор стресса и дезадаптации [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – №6 (35). URL: <http://mpgj.ru> (дата обращения: 19.11.2020).
15. Гришина Н.В. Экзистенциальная психология: учебник. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. – С. 89.
16. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. – М.: Академический проект, 2009. – 489 с.
17. Дорфман Л.Я., Злоказов К.В. Метаиндивидуальная модель деструктивности. Сообщение 1 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т.14. №1. – С. 105-122.
18. Дьяков С.И. Семантическая репрезентация деструктивного опыта в системе психической самоорганизации личности [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2019. – Том 8. № 4. – С. 123-137.
19. Злоказов К. В. Деструктивность и идентичность личности // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2014. – №1. – С. 61-73.

20. Злоказов К. В. Эмпирический анализ типов деструктивности сотрудников правоохранительных органов // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2014. – №4 (30). – С. 195-201.

21. Злоказов К. В. Деструктивное социальное поведение [Текст] : монография / К. В. Злоказов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2017. – 183 с.

22. Злоказов К. В., Каппушев С. С. Представление о цели деструктивного поведения // Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 1 (42). – С. 93-100.

23. Злоказов К. В., Прядеин, В. П. Деструктивность личности: социально-психологическое исследование: Монография / Югры, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т». – Сургут: РИО СурГПУ, 2014. – 178 с.

24. Знаков В.В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. – 2014. – №4. – С. 16-29.

25. Иконен П., Рехардт Э. Разновидности Танатоса: о месте агрессии и деструктивности в психоаналитической интерпретации // Э. Рехардт Ключевые проблемы психоанализа: Избранные труды / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2009. – С. 12-44.

26. Ипатов А.В., Шишигина Т.Р. Аутодеструктивное поведение подростков в контексте отклоняющегося развития личности // Акмеология. – 2018. – №4 (68). – С. 25-30.

27. Ипатов А.В., Шишигина Т.Р. Аутодеструктивные проявления личности подростка // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. – 2013. – №1. – С. 40-51.

28. Кабанов М. М., Незнанов Н. Г. Я-структурный тест Аммона (ISTA), разработка и практическое применение / Кабанов М. М., Незнанов Н. Г. Очерки динамической психиатрии - СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2003. – С. 83-123.

29. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. – СПб: Речь, 2001. – С. 55-81, 96-97
30. Карпова Э.Б., Исурина Г.Л., Журавлев А.Л. Психологическая концепция отношений В.Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. – 2020. – № 41(2). – С. 5-14.
31. Клейберг, Ю. А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов / Ю. А. Клейберг. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 265 с.
32. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе / Пер. с англ. Д. В. Полтавец, С. Г. Дурас, И. А. Перельгин; сост. и научн. ред. И. Ю. Романов. – М: Академический проект, 2001. – С. 360-422.
33. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов: [Более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – М. : ЭКСМО, 2006. – 669 с.
34. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире – Новосибирск: Наука, 1990. - 224 с.
35. Крупнов А.И., Новикова И.А., Воробьева А.А. Соотношение системно-функциональной и пятифакторной моделей черт личности: к постановке проблемы // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2016. – №2. – С. 45-56.
36. Кудинов С.И., Хаммад С.М. Психологическая устойчивость личности как основа самореализации субъекта // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2015. №1. С. 26-30.
37. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. – 2-е издание, стереотипное. – М.: Смысл: Академия, 2005. – 352 с.
38. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.

39. Леонтьев Д.А. Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор // Консультативная психология и психотерапия. – 2008. – Том 16. № 4. – С. 58–82.
40. Лысак И.В. Механизмы и последствия деструктивной деятельности человека – Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ, 2006. – 80 с.
41. Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека / Психология отношений: под редакцией А.А. Бодалева. – М.: Издательство Московского психологосоциального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – С. 14 – 39.
42. Польская Н.А. Методы и методики исследования самоповреждающего поведения // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. – Сер. "Интеграция академической и университетской психологии" Москва, 2016. – С. 837-843.
43. Психоанализ: учебник для вузов / М. М. Решетников [и др.]; под редакцией М. М. Решетникова. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – С. 239-253.
44. Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н.В. Гришиной. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. – 576 с.
45. Пьянкова С.Д. Нелинейность развития как психологический феномен и литературный мотив [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – №1(3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.12.2020).
46. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр. – Новосибирск // Хрестоматия по философии: учебное пособие / Я.В. Кушнаренко. – Новосибирск : Сибирский ГУТиИ, 2007. – С. 159-178.
47. Свиридченкова Т.А. «Деструктивные» свойства личности и вторичные образы в сновидениях // Педагогика и психология образования. – 2013. – №4. – С. 88-94.

48. Сергиенко Е.А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. № 2. – С. 5-16.
49. Сироткин С.Ф. К метапсихологическому статусу агрессии (2006) / Заметки по метапсихологии агрессивности – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: Издательский дом ERGO, 2014 – С. 53-61.
50. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995. – 288 с.
51. Розенберг Б. Мазохизм смерти и мазохизм жизни – М.: Когито-Центр, 2018. – 212 с.
52. Розенфельд Г. Деструктивный нарциссизм и инстинкт смерти [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2008. – №4. URL: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20080402>
53. Розенфельд Г. Клинический подход к психоаналитической теории инстинктов жизни и смерти: исследование агрессивных аспектов нарциссизма [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003. – №2. URL: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030203>
54. Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Московский психотерапевтический журнал, 2009, №2. С. 27-51.
55. Устойчивость // Большой психологический словарь / Сост. И общ. Ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.
56. Фахрутдинова Л.Р. Структурно-динамическая организация переживания субъекта: Дисс. ... доктора психол. наук. — Казань, 2012. — 535 с.
57. Филатов Ф.Р. Учение С. Н. Шпильрейн о деструкции: теоретические и психобиографические аспекты // Российский психологический журнал. – 2016. – №2. – С. 246-259.
58. Фрейд З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2019. – 608 с.

59. Фрейд З. Влечения и их судьбы / З. Фрейд Полное собрание сочинений в 26 томах. Том 13: Статьи по метапсихологии. – СПб: Изд-во ВЕИП, 2020. – 384 с.

60. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд Полное собрание сочинений в 26 томах. Том 14: Статьи по метапсихологии 2. – СПб: Изд-во ВЕИП, 2020. – 384 с.

61. Фрейд З. Я и Оно / З. Фрейд Полное собрание сочинений в 26 томах. Том 14: Статьи по метапсихологии 2. – СПб: Изд-во ВЕИП, 2020. – 384 с.

62. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2017. – 736 с.

63. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибикина. – Харьков: «Фолио», 2003. – С. 36-44.

64. Хорошилов Д.А., Мельникова О.Т. Метод тематического анализа в изучении представлений о женском лидерстве // Организационная психология. – 2020. – №3. – С. 85-99.

65. Черткова Ю. Д., Егорова М. С. Роль негативных личностных черт в психологической адаптации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. - 2018. - № 3 (92). - С. 115-125.

66. Шпильрейн С.Н. Деструкция как причина становления // Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: Сб. статей / Сост., автор вступ. ст. Ф.Р. Филатов. – Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2020. – С. 5-30.

67. Шпиц Р. Агрессия: ее роль в установлении объектных отношений // Форум агрессологии, 2012, Том 2. Ижевск: Издательский дом ERGO - С. 207-218.

68. Штекель В. Исходы психоаналитического лечения // Зарубежный психоанализ. Хрестоматия. – СПб: Питер, 2001. – С. 82-107.

69. Ясперс К. Разум и экзистенция / К. Ясперс; пер. А. К. Судакова. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. — С. 204.
70. Ammon, G., Finke, G., Wolfrum, G. (1998) Ich-Struktur-Test nach Ammon (ISTA). Frankfurt: Swets, Zeitlinger.
71. Baumeister R.F. Self-defeating behavior patterns among normal individuals: Review and analysis of common self-destructive tendencies / R.F. Baumeister, S.J. Scher // Psychological bulletin. — 1988. — Vol. 104. — P. 3-22.
72. Baumert A., Schmitt M., Perugini, M., et al. Integrating Personality Structure, Personality Process, and Personality Development // European Journal of Personality. — 2017. — 31(5). — P. 503-528. doi:10.1002/per.2115
73. Fairbairn W. R. D. Psychoanalytic studies of the personality — London, Boston: Routledge & Kegan Paul, 1978. — 312 p.
74. Furnham A., Cheng H. The change and stability of NEO scores over six-years: A British study and a short review // Personality and Individual Differences. — 2019. — №144. — P. 105-110. doi:10.1016/j.paid.2019.02.03
75. Gendlin E.T. Experiencing and the creation of meaning: a philosophical and psychological approach to the subjective — New York: Free Press of Glencoe, 1962.
76. Greenberger D.B. Destruction and Complexity: An Application of Aesthetic Theory / Greenberger D.B., Allen V.L // Personality and Social Psychology Bulletin. — 1980. — Vol. 6, № 3. — P. 479-483.
77. Hsieh, H.-F., Shannon, S. E. Three Approaches to Qualitative Content Analysis / Qualitative Health Research. — 2005. — 15(9). — P. 1277–1288. doi:10.1177/1049732305276687.
78. Hycner, R.H. (1985) Some Guidelines for the Phenomenological Analysis of Interview Data. Human Studies, 8, 279-303.
79. Keen E. A primer in phenomenological psychology — N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1975.

80. Kolbeck K. Borderline Personality Disorder: Associations Between Dimensional Personality Profiles and Self-Destructive Behaviors / K. Kolbeck, S. Moritz, J. Bierbrodt, C. Andreou. // *Journal Pers. Disord.* – 2019. – 33(2). – P. 249-261. doi: 10.1521/pedi_2018_32_346.

81. Recarte A. Creative Performances: Horror and Human Destructiveness in Psychoanalytic Writing // *Studies in Gender and Sexuality.* – 2020. – 21 (3). – P. 231-237. DOI: 10.1080/15240657.2020.1798190

82. Reisert E., Conte J.M. Relationships Between Conscientiousness Sub-Factors and Constructive and Destructive Behavioral Intentions // *Journal of Business and Psychology.* – 2004. – №19. – P. 69–84. <https://doi.org/10.1023/B:JOBU.0000040273.78289.0d>

83. ROGET'S 21ST CENTURY THESAURUS, 3rd ed. NY: Delta Book, 2005.

84. Sosnowska J. A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model / J. Sosnowska, P. Kuppens, F. De Fruyt, J. Hofmans. // *Personality and Individual Differences.* – 2019. – Vol. 144. – P. 11-18. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.013>

85. Sosnowska J. New Directions in the Conceptualization and Assessment of Personality – A Dynamic Systems Approach / J. Sosnowska, P. Kuppens, F. De Fruyt, J. Hofmans. // *European Journal of Personality.* – 2020. – Vol. 34(6). – P. 988-998. doi:10.1002/per.2233.

86. Strus W., Ciecuch J. Towards a synthesis of personality, temperament, motivation, emotion and mental health models within the Circumplex of Personality Metatraits // *Journal of Research in Personality.* – 2017. – №66. – P. 70-95. doi:10.1016/j.jrp.2016.12.002

87. Taylor P. J., Jomar K., Dhingra K., Forrester, R., Shahmalak, U., & Dickson, J. M. A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-

suicidal self-injury // Journal of Affective Disorders. – 2018. – №227. – P. 759–769.
doi:10.1016/j.jad.2017.11.073

88. Tsirigotis K. Indirect Self-Destructiveness and Emotional Intelligence // Psychiatr Q. – 2016. – 87(2). – P. 253-263. doi: 10.1007/s11126-015-9387-x.

89. Tsirigotis K. Women, Femininity, Indirect and Direct Self-Destructiveness. A Review // Psychiatr Q. – 2018. – 89(2). – P. 427-437. doi:10.1007/s11126-017-9545-4.

90. Tsirigotis K, Luczak J. Gender Differentiation of Relationships Between Manifestations of Indirect Self-Destructiveness and Dimensions of Emotional Intelligence // Psychiatr Q. – 2016. – 87(2). – P. 387-400. doi:10.1007/s11126-015-9402-2.

91. VandenBos G.R. APA Dictionary of Psychology – Washington, DC: American Psychological Association, 2015. – 518 p.

92. von Eckartsberg R. (1998) Introducing Existential-Phenomenological Psychology. In: Valle R. (eds) Phenomenological Inquiry in Psychology. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0125-5_1

Приложения

Приложение 1

Таблица. Результаты статистического анализа связи особенностей переживания личностью собственной деструктивности с элементами структуры личностного профиля, степенью выраженности деструкции как стратегии социального поведения и деструктивности как свойства личности (коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Переменные		Факто р 1	Факто р 2	Факто р 3	Факто р 4	Факто р 5	Факто р 6
MD: «адекватная самооценка – неадекватная самооценка»	R	-,076	-,185	-,186	-,051	-,339	-,012
	р-уровень	,690	,328	,326	,788	,067	,951
А: «замкнутость - общительность»	R	-,230	-,141	,205	-,116	,171	,031
	р-уровень	,222	,456	,277	,541	,366	,870
В: интеллект	R	-,242	,052	-,063	-,208	-,211	-,052
	р-уровень	,197	,785	,739	,271	,263	,785
С: «эмоциональная нестабильность - эмоциональная стабильность»	R	-,246	,084	-,020	-,218	,168	-,177
	р-уровень	,190	,660	,917	,247	,376	,350
Е: «подчиненность - доминантность»	R	,048	,098	,007	,138	-,276	,013
	р-уровень	,800	,606	,969	,469	,139	,946
F: «сдержанность - экспрессивность»	R	-,158	-,041	-,411*	,185	,153	,176
	р-уровень	,404	,830	,024	,328	,420	,352
G: «низкая нормативность поведения – высокая»	R	,184	-,084	,171	,072	,083	-,127
	р-уровень	,329	,660	,366	,705	,664	,504

нормативность поведения»							
Н: «робость - смелость»	R	-,385*	-,031	-,300	,086	-,184	-,144
	р-уровень	,035	,870	,108	,651	,330	,447
I: «жесткость – чувствительность»	R	,334	,470**	,065	-,240	-,026	,027
	р-уровень	,071	,009	,733	,201	,891	,886
L: «доверчивость - подозрительность»	R	,337	-,079	-,250	,063	-,160	,145
	р-уровень	,069	,678	,182	,743	,397	,444
M: «практичность - мечтательность»	R	,260	,060	,069	,120	,103	,401*
	р-уровень	,166	,753	,718	,528	,588	,028
N: «прямолинейность - дипломатичность»	R	-,073	,000	,170	,038	-,062	-,104
	р-уровень	,702	,999	,368	,842	,744	,584
O: «спокойствие - тревожность»	R	,123	-,180	,272	,134	-,119	,379*
	р-уровень	,518	,340	,146	,480	,531	,039
Q1: «консерватизм - радикализм»	R	-,097	,147	,109	-,216	-,077	-,302
	р-уровень	,610	,437	,568	,251	,685	,105
Q2: «конформизм - нонконформизм»	R	-,028	,150	,167	,104	-,199	-,148
	р-уровень	,884	,429	,377	,585	,292	,434
Q3: «низкий самоконтроль - высокий самоконтроль»	R	-,142	,150	,083	-,141	-,001	-,057
	р-уровень	,454	,430	,662	,457	,994	,764
Q4: «расслабленность»	R	,187	,020	,150	-,090	,177	,121
	р-	,322	,918	,428	,636	,349	,523

ь - напряженность»	уровень						
Деструкция интрасубъектная	R	,307	,310	-,203	,095	,029	,270
	р-уровень	,099	,095	,282	,617	,877	,148
Деструкция интерсубъектная	R	-,014	-,152	-,166	,209	-,074	,197
	р-уровень	,942	,422	,381	,269	,698	,297
Деструкция метасубъектная	R	-,052	-,028	,016	,082	-,304	-,116
	р-уровень	,785	,885	,934	,667	,103	,542
Деструкция как стратегия соц. поведения	R	,073	,052	-,196	,124	-,172	,143
	р-уровень	,703	,785	,299	,515	,364	,450
Деструктивная агрессия	R	-,001	-,249	,289	,519**	-,262	-,232
	р-уровень	,996	,185	,122	,003	,161	,217
Деструктивная тревога	R	,310	,034	,179	,096	,063	,146
	р-уровень	,095	,860	,344	,614	,739	,443
Деструктивное внешнее Я- отграничение	R	,622**	-,190	,098	,072	-,077	,131
	р-уровень	,000	,314	,605	,705	,684	,489
Деструктивное внутреннее Я- отграничение	R	,353	-,106	,339	,345	,103	-,051
	р-уровень	,056	,576	,067	,062	,588	,788
Деструктивный нарциссизм	R	,212	-,113	-,005	,098	,168	-,026
	р-уровень	,261	,554	,980	,605	,376	,892
Деструктивная сексуальность	R	,076	-,057	-,345	,341	-,097	-,039
	р-уровень	,689	,763	,062	,065	,609	,836

	ь						
Деструктивность личности	R	,471**	-,129	,119	,344	,027	,015
	р-уровень	,009	,497	,531	,062	,889	,936

Примечание: «**» отмечены значимые коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,01$,

«*» отмечены значимые коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,05$.

Приложение 2

Таблица. Статистические данные респондентов выборки по двум замерам шкал Многофакторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла (данные выборки второй части исследования, n=30)

Переменные	М	Стандар т. откл.	Асимме трия	Эксцесс	Значени е критери я Колмого рова- Смирно ва	р- уровень
MD1: «адекватная самооценка – неадекватная самооценка»	6,47	2,193	-,604	,089	,196**	,005
A1: «замкнутость - общительность»	6,27	2,753	-,001	-,373	,105	,200
B1: интеллект	6,03	1,159	-,211	,138	,180*	,014
C1: «эмоциональная нестабильность - эмоциональная стабильность»	7,73	2,518	-,802	1,033	,146	,105
E1: «подчиненность - доминантность»	6,13	1,961	-,346	-,013	,173*	,023
F1: «сдержанность - экспрессивность»	5,57	2,029	,029	,120	,177*	,018
G1: «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения»	7,07	2,477	,020	-,235	,120	,200
H1: «робость - смелость»	6,00	1,983	,484	,171	,167*	,033
I1: «жесткость –	7,33	2,733	,004	-1,358	,162*	,042

чувствительность »						
L1: «доверчивость - подозрительност ь»	4,83	2,230	,024	-1,226	,166*	,034
M1: «практичность - мечтательность»	6,27	1,982	-,084	-,954	,144	,112
N1: «прямолинейност ь - дипломатичность »	4,63	1,866	,407	,092	,155	,062
O1: «спокойствие - тревожность»	7,40	2,444	-,227	-,927	,144	,116
Q1.1: «консерватизм - радикализм»	8,23	1,775	,097	-,665	,134	,180
Q2.1: «конформизм - нонконформизм»	6,37	2,512	-,783	-,648	,300**	,000
Q3.1: «низкий самоконтроль - высокий самоконтроль»	6,70	2,103	-,694	,529	,157	,058
Q4.1: «расслабленност ь - напряженность»	5,83	2,601	-,094	-,665	,159	,051
MD2: «адекватная самооценка – неадекватная самооценка»	6,37	2,428	-,569	,397	,149	,086
A2: «замкнутость - общительность»	6,57	2,609	-,225	-,329	,142	,126
B2: интеллект	6,10	1,242	-,317	-,108	,166*	,035
C2: «эмоциональная нестабильность -	7,43	2,582	-,542	-,259	,133	,183

эмоциональная стабильность»						
E2: «подчиненность - доминантность»	6,10	2,023	-,199	-,274	,114	,200 ^c
F2: «сдержанность - экспрессивность»	5,90	2,040	,301	,124	,114	,200
G2: «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения»	7,10	2,482	-,166	,032	,175*	,020
H2: «робость - смелость»	6,00	1,819	,515	,007	,142	,126
I2: «жесткость – чувствительность»	7,03	2,512	,142	-1,298	,160*	,049
L2: «доверчивость - подозрительность»	4,77	2,112	-,518	-,853	,220**	,001
M2: «практичность - мечтательность»	6,17	2,102	,170	-,429	,132	,196
N2: «прямолинейность - дипломатичность»	4,73	1,799	,315	-,710	,174*	,020
O2: «спокойствие - тревожность»	7,20	2,538	-,132	-,984	,140	,136
Q1.2: «консерватизм - радикализм»	8,20	1,769	-,005	-,539	,122	,200
Q2.2: «конформизм - нонконформизм»	6,53	2,374	-,790	-,522	,278**	,000
Q3.2: «низкий самоконтроль -	6,63	2,282	-,409	,018	,131	,200

высокий самоконтроль»						
Q4.2: «расслабленност ь - напряженность»	5,70	2,395	-,120	-,781	,118	,200

Примечание: «**» отмечены значимые результаты на уровне $p \leq 0,01$,

«*» отмечены значимые результаты на уровне $p \leq 0,05$.